

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127>

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ИНДО-ПАСИФИКОЙ (Часть I)

Материалы ситуационного анализа

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 25 апреля 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 15 мая 2018</p>	<p>Аннотация: Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует материалы ситуационного анализа, посвященного результатам анализа динамики и современного состояния развития российско-китайских отношений. На мероприятии выступили и приняли участие в дискуссии исследователи Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, Института Дальнего Востока РАН, Института Востоковедения РАН, Российского института стратегических исследований (РИСИ), Института политического и военного анализа, Института экономики РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, НИУ ВШЭ, Национального комитета БРИКС. Ведущие российские эксперты обсудили современное состояние и перспективы российско-китайских отношений. Были затронуты вопросы трансформации политической власти в КНР и изменений 2018 г. в китайской конституции, рассмотрен вопрос о переходе РКО в новую стадию после марта 2018 г. (президентские выборы в России и поправки конституции в КНР), оценен период завышенных ожиданий России от Китая после украинского кризиса 2013 г., а также в целом были рассмотрены возможности для перехода к новому качеству двустороннего долгосрочного сотрудничества на основе прагматизма и взаимного интереса.</p>
<p>Ключевые слова: Россия; КПК; Китай; КНР; российско-китайские отношения; китайско-российские отношения; китайско-американские отношения; Тихоокеанская Азия; авторитаризм; демократия; китайская модель развития, социализм с китайской спецификой; китайская мечта</p>	

Центр комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России

При поддержке журнала «Сравнительная политика»

Предлагаем вниманию читателей материалы ситуационного анализа, проведенного 12 марта 2018 г в редакции журнала “Сравнительная политика” Центром комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России¹

На круглом столе выступили с докладами и выступлениями, а также представили тексты: Ананьина Кристина Александровна, аспирант МГИМО МИД России; Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, д.и.н., заместитель директора Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; Виноградов Андрей Владимирович, д.полит.н., руководитель Центра политических исследова-

¹ Вторая часть материалов ситуационного анализа публикуется в № 4, 2018.

ний и прогнозов ИДВ РАН, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Воронцов Александр Валентинович, к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, заведующий отделом Кореи и Монголии Института Востоковедения РАН; Воскресенский Алексей Дмитриевич, д.полит.н., Ph.D., директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; Галенович Юрий Михайлович, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН; Горбачева Валерия Олеговна, м.н.с. Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН, Советник Национального комитета по исследованию БРИКС; Дикарев Андрей Дмитриевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России; Ефремова Ксения Александровна, к.полит.н., доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Карпов Михаил Владимирович, к.и.н., доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Киреева Анна Андреевна, к.полит.н., доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Колдунова Екатерина Валерьевна, к.полит.н. доцент, зам. декана Факультета МО, с.н.с. Центра АСЕАН МГИМО МИД России; Ларин Александр Георгиевич, к.и.н. ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; Ломанов Александр Владимирович, д.и.н., главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Новосельцев Сергей Александрович, аспирант МГИМО МИД России; Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН; Толорая Георгий Давидович, д.э.н., профессор МГИМО МИД России, заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН, исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС; Федоровский Александр Николаевич, д.э.н., заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО

имени Е.М. Примакова РАН; Храмчихин Александр Анатольевич, заместитель директора Института политического и военного анализа.

А.Д. Воскресенский. Наш сегодняшний ситуационный анализ, проводимый в форме круглого стола с дискуссией, результаты которого мы будем публиковать в No.3 и No.4, 2018 журнала «Сравнительная политика», предполагает оценку современного состояния и возможных путей эволюции российско-китайских отношений, влияния «китайского фактора» на современное состояние международных отношений в мире и в Восточной Азии. Оценка «китайского фактора» и китайской модели развития как важнейших в новых условиях конкретизируется в целом ряде сопутствующих вопросов:

- до какой степени и как можно опираться на Китай в условиях международных санкций;

- что это может значить конкретно в существующей внешнеполитической обстановке; – возможна ли односторонняя внешнеполитическая и военно-политическая опора на Китай;

- возможна ли дальнейшая кооперация с Китаем в военно-политической области и в какой степени? Каковы будут международно-политические и военно-политические последствия такой кооперации?

- заменит ли Китай США в современной системе международных отношений, если ответ положительный – то когда, если ответ отрицательный – то почему? Как в этой связи оценивать рост Китая?

- каковы последствия и перспективы российско-китайской «внешнеполитической связи» в международных отношениях, дипломатии, роли в военно-политических двусторонних отношениях и в региональном контексте, в том числе и в Евразии и АТР.

В последнее время в России и мире много говорят о наличии и перспективах развития российско-китайской «связки» как нового неформального инструмента международных отношений. Наличие и укрепление в нынешней обстановке российско-китайской «связки» определяется следующими условиями:

- формированием естественно-партнерских российско-китайских отношений в условиях тесного добрососедства;

- наличием важного, динамично растущего китайского рынка;

- возможностью импортировать из Китая машинно-техническую продукцию, недоступную для России в условиях санкций со стороны Запада;

- возможностью поставлять российские ресурсы Китаю с минимальными транспортными издержками;

- заинтересованностью Китая в подъеме российского Дальнего Востока как территории совместного развития;

- наличием внешнеторговой стратегии Китая, в которой России отведено место крупного приоритетного поставщика энергоносителей и сырья и, одновременно, российскому рынку как крупному рынку сбыта китайских товаров;

- возможностью для лесной промышленности и с/х России покрыть до 100% спроса Китая, а также его недостаток в пахотных землях;

- наличием приграничных территорий как важнейшего резерва более тесного экономического сотрудничества;

- жизненно важным характером торговли с Китаем для ДФО и некоторыми другими регионами России;

- наличием большого потенциала инвестиционного сотрудничества, а также сотрудничества в строительстве транспортной инфраструктуры;

- наличием «российского фактора» как важнейшего для усиления энергетической безопасности Китая.

Несмотря на то, что у аналитиков и политиков нет полной ясности как будут развиваться отношения между Россией и Китаем по мере усиления Китая, вышеуказанные положительные стороны укрепления российско-китайских отношений отмечают в той или иной степени практически все отечественные и даже международные аналитики. В тоже время и некоторые издержки укрепления наших отношений также становятся очевидными: по мере усиления идеологической и политической составляющей этих отношений ухудшаются отношения с технологически развитыми странами, российско-китайская «связка» многими позиционируется как важный инструмент усиления России в Юго-Восточной Азии, с другой стороны наличие такой связки в некоторых сферах взаимоотношений в Юго-Восточной Азии усиливает скрытое недоверие к России, т.е. внешнеполитические последствия такой «связки» для некоторых стран Юго-Восточной Азии представляются неясными, что сказывается на взаимоотношениях по линии Россия-АСЕАН, приводит к региональному сегментированию и уменьшает потенциал многостороннего трансрегионализма и регионализма, приносящих положительные экономические результаты от усиления экономического сотрудничества и взаимозависимости.

Некоторые аналитики отмечают возможность маргинализации всех других инициатив России за исключением идущих в основном русле вышеупомянутой «связки», а некоторые аналитики довольно прямолинейно утверждают, что в этой «связке» Россия выступает и будет выступать не в роли ведущего, а в роли ведомого.

Тем не менее, надо отметить, что Китай – очень сильный и перспективный партнер, и не смотря на все сложности развивающихся отношений, сближение между нашими странами продолжается, усиление китайского присутствия на российском Дальнем Востоке становится фактом современной жизни, китайское присутствие жидется не только на чисто экономических, рыночных, но и на политических интересах, нацелено во многих отраслях на вытеснение западных высокотехнологических компаний, на суживание сотрудничества между Россией и странами Запада. Китайский проект «один пояс – один путь» интересен и многообещающ, но чреват при этом сегментированием экономического пространства Центральной Азии. Очевидно, что Китай хочет большей глобальной роли, и Россия в целом приветствует усиление китайской роли в мире, но при этом место России в этой долгосрочной китайской стратегии не ясно, не ясно насколько Россия будет важна для Китая в долгосрочной перспективе. При этом становится все более очевидно, что зависимость России от Китая неуклонно увеличивается, а у России остается в основном реактивная роль на развитие событий по такому плану.

Существуют у аналитиков и другие, и даже прямо противоположные по оценкам точки зрения. Соответственно, мы должны констатировать, что переходный период в международных отношениях продолжается, мир выходит на переломную фазу своего развития, но стабильности, благополучия, определенности не становится больше. Все это требует тщательного обсуждения назревших вопросов, выработки взвешенных проработанных стратегий развития, т.е. обсуждения следующих конкретных вопросов:

- В какой мере усиление авторитарных тенденций в китайской политике будет влиять на РКО? Поправки в Конституцию КНР дают Си Цзиньпину возможность остаться у власти до 2027-28 гг. И еще после этого. Будет ли это фактором стабильности и предсказуемости РКО или фактором их усложнения?

- Можно ли утверждать, что после марта 2018 г. (президентские выборы в России и поправки конституции в КНР) РКО вошли в новую

стадию? Закончился ли период завышенных ожиданий России от Китая после украинского кризиса 2013 г.? Есть ли возможность для перехода к новому качеству двустороннего долгосрочного сотрудничества на основе прагматизма и взаимного интереса?

– Парадигма «западные санкции навсегда» – что она означает для России в развитии российско-китайских отношений (*далее РКО*)? Каким образом российская парадигма «западные санкции навсегда» может сочетаться с китайской концепцией «сообщество судьбы человечества»?

– Каковы возможные альтернативы роли Китая в развитии российского Дальнего Востока?

– При Си Цзиньпине произошла заметная трансформация китайской официальной идеологии. Это приблизило Китай к России – или наоборот отдалило две страны друг от друга? Нужно ли России «сообщество судьбы человечества» в китайском прочтении?

– США при Трампе провозгласили Китай и Россию «ревизионистскими державами», в отношении которых они будут проводить политику соперничества и сдерживания. Станет ли это внешним стимулом для укрепления РКО? Какой может быть китайский ответ, какой может быть российский ответ, какая возможная и предполагаемая степень схождения позиций Москвы и Пекина?

– Каковы перспективы совместной позиции РФ и КНР в решении проблемы Корейского полуострова? Каковы направления эволюции совместной позиции РФ и КНР по этому вопросу?

Эти вопросы мы предполагаем затронуть в первой части нашего ситуационного анализа. Обсуждение вопросов, как обычно, будет проходить в свободной форме, для восприятия удобства они разделены на логические блоки, но возможно и представление какой-либо более развернутой точки зрения по одному или нескольким объединенным вопросам.

В какой мере усиление авторитарных тенденций в китайской политике будет влиять на РКО? Поправки в Конституцию КНР дают Си Цзиньпину возможность остаться у власти до 2027-28 годов. Будет ли это фактором стабильности и предсказуемости РКО или фактором их усложнения?

А.В. Виноградов. Авторитаризм не всегда плохо, особенно, если лидер обладает высокими профессиональными, деловыми и нравственными качествами. Он может мобилизовать общество на решение как остро актуальных, так и перспективных задач. Известно, что все успешные

модернизации после первой, органической волны модернизации проводились незаурядными авторитарными лидерами. Это, кстати, относится не только к Китаю, но и, например, к Северной Корее, лидер которой принимает решения не только о реализации ракетно-ядерной программы, но и о начале и условиях переговоров с США, Республикой Корея и т.д.

Пока сохраняются хорошие личные отношения В. Путина и Си Цзиньпина, конструктивный дух межгосударственных отношений будет преобладать. Но зависимость политического курса от отдельного человека – это и главный недостаток авторитаризма. Нельзя не учитывать, что практически любой представитель следующего поколения китайских руководителей будет в значительной степени более прозападным.

К.А. Ефремова. На мой взгляд, решения третьего пленума ЦК КПК 19-го созыва, подтвержденные на первой сессии ВСНП 13-го созыва (отмена ограничения срока полномочий Председателя КНР и его заместителя, упоминание «идей Си Цзиньпина» в конституции КНР наряду с «идеями Мао Цзэдуна» и др.), безусловно, свидетельствуют об укреплении личной власти нынешнего главы государства, что является тревожной тенденцией по целому ряду причин.

Во-первых, демонстративное нарушение «заветов Дэн Сяопина» о регулярной сменяемости высшего руководства страны уничтожает относительно легитимный и предсказуемый механизм передачи власти, существовавший в КНР в 1990-х - 2000-х годах. Отказ от законодательного закрепления определённого срока полномочий главы государства открывает путь к пожизненному правлению, что ведёт к геронтократии которая, как известно, стала одним из факторов, обусловивших распад СССР. Пока Китаю до этого далеко, но перспектива прослеживается уже сегодня.

Во-вторых, кампания по борьбе с коррупцией (которая, по сути, направлена на устранение политических оппонентов Си Цзиньпина) ведёт к разгрому внутривластных фракций и выхолащиванию китайской элиты, которая могла бы принять участие в управлении государством. Если раньше фигура Председателя КНР определялась путём внутривластных дискуссий и компромиссов между различными политическими группировками, то теперь борьба за власть вступила в фазу острой конфронтации, когда к противникам применяются жёсткие репрессивные меры. Это существенно осложняет (если не сводит на нет) возможность диалога с различными внутривластными силами в Китае.

Что это значит для России? Во-первых, особую актуальность приобретают личные взаимоотношения между лидерами двух стран, поскольку в силу специфики сложившихся и у нас, и в КНР политических систем (хотя они, безусловно, разные) именно высшие должностные лица персонифицируют собой государство и, следовательно, принимают стратегические решения в области внешней политики. Во-вторых, если Си Цзиньпину удастся консолидировать власть, он будет чувствовать себя гораздо увереннее в реализации своих внешнеполитических инициатив, которые так или иначе затрагивают интересы России (и не факт, что китайцы будут считаться с нашими интересами). Нам придется учиться жить рядом с сильным Китаем и подстраиваться под его политику. И в-третьих, изменение конституции КНР может иметь демонстрационный эффект для других стран, что в целом, конечно, довольно удручающая перспектива.

М.В. Карпов. Мне представляется, что серьезного влияния на РКО усиление авторитарных тенденций в китайской политике не окажет. Это не станет ни фактором стабильности, ни фактором усложнения. РКО фундаментально зависят от ряда совершенно других факторов: объективного потенциала российско-китайского сотрудничества, динамики отношений между РФ и Западом, динамики развития социально-экономического и (предстоящего) политического кризиса в России. Хотя конкретные оперативные параметры формы, динамики и влияния этих факторов сейчас предсказать крайне трудно, в целом, весьма вероятно, РКО будут стагнировать и, возможно, усложняться.

Это связано, во-первых, с техническими пределами российско-китайского экономического взаимодействия. Критические различия в объемах экономик России (1,7% мирового ВВП в долларах США) и Китая (16% мирового ВВП в долларах США), структура товарооборота (низкая доля добавленной стоимости российского экспорта в Китай и невысокое качество добавленной стоимости китайского экспорта в Россию), различия в финансовых системах двух стран (относительная открытость российской финансово-экономической системы и закрытость таковой в КНР: неконвертируемость юаня по счету движения капиталов, несвободная процентная ставка, внутренний фондовый рынок как «вещь в себе» и т.д.), проблема прав интеллектуальной собственности играют здесь ключевую ограничительную роль. Кроме того, инвестиционное сотрудничество РФ и КНР тормозится в силу непригодно-

сти традиционных китайских инвестиционных стратегий для России. Широкое применение китайской рабочей силы на территории РФ явно неприемлемо для последней, в то время как большинство известных российских брендов вряд ли будут когда-либо проданы Китаю. Российскому бизнесу трудно проникнуть на китайский внутренний рынок в силу высокой закрытости последнего вследствие как административно-политических, так и структурных причин.

Во-вторых, серьезно усложняют российско-китайское взаимодействие культурно-цивилизационные различия между двумя странами и дефицит чисто технических знаний друг о друге. В частности, российский бизнес в массе своей лишь после провозглашения «Поворота на Восток» открыл для себя ту истину, что китайские банки не занимаются розничным кредитованием иностранных компаний в силу неконвертируемости юаня по счету движения капиталов. В равной мере не существовало должного уровня понимания того, как в реальности функционирует внутренний фондовый рынок КНР с его высоким уровнем сегментации и жестким административно-политическим регулированием.

В-третьих, оказалось, что Китай явно не готов оплачивать своими золотовалютными резервами граничащую с эпагажем непредсказуемость российской внешней политики после начала украинского кризиса. Резкое усложнение социально-экономической ситуации в России, начавшееся в конце 2014 г., перспективы политического кризиса в РФ, конфронтация последней с Западом в условиях политической риторики, превосходящей порой по градусу времени «холодной войны», западные санкции в отношении России и ее «контрсанкции» против Запада делают РФ в глазах КНР своего рода «токсичным активом», который не очень привлекательно использовать в полной мере даже в условиях усложнения и обострения отношений между Пекином и Вашингтоном.

В-четвертых, несмотря на наличие определенного личного взаимопонимания между российским и китайским лидерами (степень которого, кстати, я тоже не стал бы переоценивать), на более низовых уровнях двустороннего взаимодействия ощущается дефицит взаимного доверия, механизмов «тонкой настройки» и, подчас, элементарных технических знаний друг о друге. Тут вновь вступают в действие фундаментальные различия в культуре, менталитете, несовпадение реальных (а не официально провозглашенных) геополитических, геоэкономических и цивилизационных приоритетов. Известный ки-

тайский афоризм, характеризующий состояние российско-китайских отношений, «наверху горячо, а внизу холодно» в полной мере сохраняет свою актуальность.

А.А. Киреева. Для России и Китая прежде всего важны преемственность курса и консолидация политического лидерства в руках Си Цзиньпина, т.е. сохранение тесных связей между Си и Путиным, высокий уровень политических контактов и установленное доверие между высшими руководителями страны. Си Цзиньпин лично курирует политические отношения с Россией и на данном направлении существует эффективный механизм согласования на высшем уровне. При закреплении в Уставе КПК положения об идеях Си Цзиньпина и долгосрочной реализации Инициативы «пояса и пути» велика вероятность сохранения активного курса КНР, направленного на занятие доминирующих позиций в Азии и потенциально Евразии в свете реализации «китайской мечты» по возрождению в качестве великой мировой державы. Это оставляет открытым вопрос о равноправных отношениях между Россией и Китаем и реальных возможностях сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

А.Г. Ларин. Явный параллелизм между процессами усиления авторитаризма в России и Китае наводит на мысль, что эти процессы способны определенным образом стимулировать друг друга. Не лишне вспомнить, что тоталитарный «социалистический» строй в КНР создавался по советскому образцу. Сегодня сторонники «жесткой руки» в России ссылаются в качестве аргумента на успешный опыт развития Китая и призывают использовать этот опыт при принятии управленческих решений. Конечно, кое-что существенное из китайского опыта заведомо неприемлемо для российских властей, например, Государственная надзорная комиссия, призванная тщательно отслеживать и искоренять все проявления коррупции. Однако в целом идея наращивания авторитаризма, не исключая и равнение на Китай, близка российскому политическому классу и вполне приемлема для достаточно широких кругов общественности. Приверженцы авторитаризма вполне справедливо замечают: китайский пример опровергает известное теоретическое положение о том, что развитие рынка неизбежно ведет общество к торжеству демократических тенденций в политике.

Тем не менее, реальное влияние китайских авторитарных тенденций на российские фактически не прослеживается. Рост авторитаризма в России происходил на протяжении 90-х гг. про-

шлого века и более чем полутора десятилетий нынешнего под воздействием фундаментальных внутренних факторов – социальных, экономических, политических, исторических, личностных. Огромную роль тут сыграло становление и господство сталинизма. Тяготение к авторитаризму в РФ имело место и до прихода Си Цзиньпина, когда завинчивание гаек в КНР не наблюдалось. И не заметно, чтобы нынешние частые встречи и тесные личные отношения двух вождей как-то сказывались бы на усилении российского авторитаризма. В структуре РКО они стоят особняком, отражаясь в известной формуле: «наверху тепло, внизу прохладно». К тому же не стоит забывать, что, тяготея к авторитаризму, Россия вынуждена в то же время оглядываться на Европу: для Москвы важно продемонстрировать европейским странам свою приверженность демократическим ценностям.

Но вот влияние крутого управленческого стиля Си Цзиньпина на ход РКО выглядит достаточно правдоподобным. Опыт «поворота на Восток» показал, что Китай постарался извлечь экономическую выгоду из трудного положения России, оказавшейся в результате украинского кризиса в глубокой международной изоляции. И кредитная, и ценовая, и инвестиционная политика Пекина в этот период оказалась неблагоприятными для России. «Поворот на Восток» как способ скомпенсировать потери, понесенные Россией на Западе, не оправдал себя. Надо полагать, и в будущем экономическая политика Си Цзиньпина в отношении России не станет в большей мере учитывать ее интересы, если только Россия не сумеет укрепить свои международные экономические позиции.

А.В. Ломанов. Снятие конституционного ограничения на занятие поста председателя КНР более двух сроков подряд позволит Си Цзиньпину разработать курс реформ на длительную перспективу. Китайские элиты получили ясный сигнал, что борьба с коррупцией будет продолжена. Они не могут рассчитывать на смягчение этой политики после завершения в 2022 г. второго пятилетия правления Си Цзиньпина.

Си Цзиньпин уже обрел настолько высокий формальный статус государственного деятеля и партийного идеолога, что его влияние на китайскую политику, вероятнее всего, сохранится и после отставки со всех ныне занимаемых постов. Вместе с тем следует исходить из того, что преемственность политики при неизменности фигуры стоящего у власти лидера не предполагает полной консервации нынешнего курса. Ки-

тай переходит к новой стадии развития. Власти обещали к началу следующего десятилетия победить бедность и завершить строительство «общества малой зажиточности». Начавшийся после 19 съезда КПК второй пятилетний срок пребывания Си Цзиньпина у власти будет нацелен на решение этих задач и создание основы для осуществления в 2020 - 2035 гг. «базовой социалистической модернизации». Можно предположить, что после 2020 г. китайская политика претерпит заметные изменения, она станет еще более решительной и напористой. Чтобы эти перемены не стали неожиданностью для России, следует внимательно изучать новые политические концепции нынешнего китайского руководства.

Е.Н. Румянцев. В коммюнике 2-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (январь 2018 г.) говорилось об «огромном значении» Конституции КНР, «исключительном внимании к ней» со стороны КПК, а также о том, что внесение в нее изменений – это «важное событие в политической жизни Китая»². Данные заявления свидетельствуют о серьезной эволюции руководства партии. Первая Конституция КНР была принята, как известно, только в 1954 г., то есть через пять лет после создания государства, по совету И.В. Сталина. Судя по мемуарам личного переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ, проанализированным Ю.М. Галеновичем, впервые на эту тему И.В. Сталин высказался во время переговоров с Лю Шаоци – тогда вторым лицом в китайском руководстве в ходе визита последнего в Москву в июне-июле 1949 г.³ Во второй раз он поднял этот вопрос в беседе с Лю Шаоци в октябре 1952 г., когда тот во главе делегации КПК присутствовал на 19-ом съезде ВКП(б). И.В. Сталин, в частности, сказал: «Если вы не выработаете Конституцию, не проведете выборы, тогда враги смогут вести против вас пропаганду... двумя методами: во-первых, будут утверждать, что ваше правительство – это не правительство, избранное народом; во-вторых, будут говорить, что в вашей стране нет Конституции»⁴. В то же время Мао Цзэдун полагал, что «создание Конституции по сути означает отрицание ру-

ководства со стороны Коммунистической партии. Только дураки и антипартийные элементы могут отойти от партийного руководства и следовать Конституции»⁵.

Нынешняя Конституция КНР охарактеризована 2-м пленумом ЦК КПК как «хорошая Конституция, соответствующая условиям Китая, реальной ситуации, требованиям эпохи и развития». В то же время она должна «постоянно совершенствоваться и развиваться». Проводить в жизнь ее положения предписывается под «твердым руководством партии».

Действующий Основной закон КНР был принят в 1982 году, то есть вскоре после начала «политики реформ и открытости». Четырежды (в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.) в Конституцию вносились изменения. В ее преамбуле до марта текущего, то есть 2018, года были указаны «идеи Мао Цзэдуна», «теория Дэн Сяопина» и «важная идеология “тройного представительства”», сформулированная в период пребывания у власти Цзян Цзэминя. «Концепция научного развития», связанная с именем предшественника Си Цзиньпина Ху Цзиньтао, в Конституции КНР отсутствовала. В ходе только что закончившей свою работу сессии ВСНП эта «недоработка» была исправлена китайскими законодателями. «Идеи Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи» на пленуме были представлены в качестве «новейшего достижения китаизации марксизма», «современного китайского марксизма» и «марксизма 21-го века». На 19-ом съезде КПК их появление было обосновано заслугами Си Цзиньпина в развитии «самобытного китайского социализма» после 18-го съезда КПК (2012 г.), а также «грандиозными» задачами партии на десятилетия вперед, усложнением международной ситуации и интересами «приближения Китая к центру мировой арены»⁶.

² Чжунгун шицзю цзе эр чжун цюаньхуй цзай цзин цзюйсин (В Пекине состоялся второй пленум ЦК КПК 19-го созыва) // «Жэньминь жибао», 20 января 2018 года.

³ Галенович Ю.М. За кулисами советско-китайских отношений. – М., 2018. – с. 328. [Galenovich, Yu.M. Za kulisami sovetsko-kitaiskikh otnoshenii (Behind the Scenes of Soviet-Chinese Relations). Moscow, 2018. P. 328.]

⁴ Ibid. С. 559.

⁵ Цит. по: Чжан Ицзе. Си Цзиньпин шоуши Дэн Цзян сыфа лань таньцзы (Си Цзиньпин наводит порядок в созданной Дэн Сяопином и Цзян Цзэминем прогнившей системе юстиции) // «Цяньшао», 2014, № 1, с. 28-31.

⁶ Си Цзиньпин. Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуй доцной синь шидай чжунго тэсэ шэхуйчжуй вэйда шэнли. – Цзай Чжунго гунчандан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао (Победоносно завершить все-стороннее строительство общества среднего достатка, добиться великих побед китайского самобытного социализма новой эпохи. – Доклад на 19-ом съезде Коммунистической партии Китая) // «Жэньминь жибао», 28 октября 2017 г.

Поскольку формулировка со словом «идеи» до этого использовалась в КПК только применительно к «теориям» Мао Цзэдуна, многие российские и зарубежные эксперты приходят к выводу о стремлении Си Цзиньпина поставить себя в истории Китая на место, по меньшей мере, столь же значительное, как то, которое современная официальная историография КПК/КНР отводит «великому кормчему». Видимо, в этом находят определенное отражение особенности политической культуры Китая, а также и некоторые личные качества китайского лидера.

Отношение партии и общества к этому «новейшему вкладу» Си Цзиньпина в марксизм, как и к самому марксизму, в современном Китае неоднозначно. На него влияют, в частности, воспоминания об «идеях Мао Цзэдуна» и последствиях их безудержной пропаганды и применения в Китае 1950-1970-х гг., мощная и длительная антикоммунистическая кампания, ведущаяся в расчете на население КНР США, другими странами Запада, Тайванем, китайскими антикоммунистами-эмигрантами. Можно здесь вспомнить и о хорошо известной в Китае судьбе теоретических изысканий КПСС относительно этапов построения социализма в СССР, «общем кризисе капитализма» и т.п.

Очевидно, что деление развития общества на этапы и, тем более, как в случае с «идеями Си Цзиньпина», на «эпохи» – это вопрос в теоретическом отношении весьма сложный, а в политическом – довольно скользкий.

Одна из причин появления «идей Си Цзиньпина», как представляется, лежит в относительной слабости его позиций в партии. В подобных условиях указанные «идеи» используются нынешним китайским лидером и его окружением в качестве еще одного инструмента укрепления своего положения. Обращает на себя внимание, что, в отличие от Мао, который предоставлял возможность пропагандировать свои «идеи» другим, включая высших руководителей того периода, Си Цзиньпин в ряде случаев занимается пропагандой собственных «теоретических достижений» лично. В их активном продвижении до сих пор не принимали заметного участия некоторые члены китайского высшего руководства.

Такая ситуация, скорее всего, объясняет и стремление Генерального секретаря ЦК КПК занять лично как можно больше руководящих постов (по подсчетам, в настоящее время их не менее двенадцати). Дэн Сяопин в свое время (1987-1990) довольствовался постом Председателя Центрального военного совета, а затем вплоть

до своей смерти в 1997 г. был почетным председателем Китайской ассоциации игры в бридж; именно находясь в этой должности, он назначил Ху Цзиньгао преемником Цзян Цзэминя на посту высшего руководителя Китая.

В настоящее время, с одной стороны, наличие желание ЦК КПК всячески продвигать «идеи Си Цзиньпина», причем не только в КНР, но и в иностранных государствах. С другой, в последнее время заметно и стремление в определенной степени приглушить пропаганду личности Си Цзиньпина и его «вклада в марксизм 21-го века». Получил известность эпизод, когда в провинции Гуйчжоу (до июля 2017 г. ее возглавлял один из фаворитов Си Цзиньпина Чэнь Миньэр) после 19-го съезда КПК появились лозунги, в которых нынешнего китайского лидера называли «великим вождем». Раньше так называли только Мао Цзэдуна. Однако очень быстро из Пекина поступило указание не использовать данное выражение. По сведениям из гонконгских источников, это было сделано по инициативе главного пекинского теоретика, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунина. Один из курируемых им вопросов – забота об имидже Си Цзиньпина.

В документах КПК выдвинуто требование «изучать и применять идеи Си Цзиньпина в течение длительного времени». На практике, как представляется, это время будет ограничено периодом его пребывания на высших партийных и государственных постах. В дальнейшем, не исключено, их судьба мало чем будет отличаться от судьбы «идей», «теорий» и «концепций» его предшественников. Тем не менее, в ближайшие годы «идеи Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи» будут играть заметную роль в китайской политике и, особенно, пропаганде.

Что касается отмены ограничений по срокам пребывания на высших государственных должностях, то эта часть «Предложений» ЦК КПК была опубликована только 25 февраля с.г., то есть менее чем за две недели до начала сессии ВСНП. Видимо, решение этого вопроса оказалось для Си Цзиньпина и его окружения еще более сложным: вопрос об «идеях Си Цзиньпина» уже обсуждался на 19-ом съезде КПК в октябре прошлого года, они были включены в устав партии, тогда как вопрос о сроке пребывания на посту главы государства официально на съезде не обсуждался. Конечно, были признаки, указывавшие на то, что ситуация развивается в этом направлении. Например, после 18-го съезда КПК (2012 г.) в китайских СМИ заметно меньше стали говорить о так называемых «поко-

лениях» руководителей КПК, а в последнее время упоминания о них, насколько можно судить, вообще исчезли со страниц центральных газет. Это понятно: поколения предполагают преемственность, а сейчас вопрос ставится в Пекине совсем по-другому.

В связи с этим можно вспомнить о существовании документа Канцелярии ЦК КПК «Временное положение о сроках пребывания руководящих кадровых работников партийных и государственных органов на занимаемых должностях» («党政领导干部职务任期暂行规定») от 10 июня 2006 года. В статье 2 данного документа указывается, что его действие распространяется на членов руководства ЦК КПК, Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, Госсовета и Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, а также нижестоящих партийных и государственных учреждений вплоть до уездных. Статьей 3 устанавливается срок пребывания на руководящих должностях в 5 лет. А статьей 6 определено, что руководящие работники, проработавшие на руководящей должности подряд два срока, более на эту должность «не рекомендуются, не выдвигаются и не назначаются».

Известно, что внесение вышеуказанных изменений в Конституцию КНР не встретило единодушного одобрения в партии и обществе. Отдельные заслуженные члены КПК, как известно, назвали их «фарсом»⁷.

От себя могу добавить, что сейчас в КНР лидеру партии и государства предоставлены неограниченные временем и законом полномочия. Это не может не привести к дальнейшему усилению в китайском обществе авторитарных тенденций. Весь мировой опыт, в том числе опыт Китая, говорит о том, что ничего хорошего из этого получиться не может.

На фоне снижения темпов экономического развития вышеуказанные авторитарные тенденции могут привести к усилению «напористости» во внешней политике КНР и вряд ли будут способствовать ее последовательности и стабильности, в том числе, в российско-китайских отношениях. Например, «арктическая стратегия» КНР представляет собой прямой вызов интересам России. В этой связи необходимо отметить звучащие в Китае заявления о том, что Северный морской путь якобы

является частью так называемого «Ледового шелкового пути»⁸.

Можно ли утверждать, что после марта 2018 года (президентские выборы в России и поправки конституции в КНР) РКО вошли в новую стадию? Закончился ли период завышенных ожиданий России от Китая после украинского кризиса 2013? Есть ли возможность для перехода к новому качеству двустороннего долгосрочного сотрудничества на основе прагматизма и взаимного интереса?

А.В. Виноградов. Надо уточнить, что главное – это не поправки к Конституции, а переизбрание Си Цзиньпина. Сможет он воспользоваться поправками или нет, будет неясно еще на протяжении, как минимум, 5 лет. Сегодня ясно одно – лидеры остались, значит, нет никакой новой стадии, а есть продолжение отношений, которые естественным, эволюционным образом уже перешли к долгосрочному сотрудничеству на основе прагматизма и взаимного интереса. Наши отношения прошли пик завышенных ожиданий, возникших после введения западных санкций. Китай становится мега-региональной державой, у него появляется больше возможностей и инструментов, он начинает вести себя по-другому, и одновременно с этим в отношениях с ним все меньше эмоций, не только у России.

А.Д. Дикарев. Непонятно, о каком еще новом качестве может идти речь. Наши отношения (в политическом плане в первую очередь) и так просто превосходны. Частота контактов между китайским и российским лидерами сама по себе отражает высокий уровень двусторонних отношений. Но о каком-либо военно-политическом союзе, да и просто союзе, речь как не шла, так и не идет и идти не будет несмотря на то, что Россия и Китай рассматривает как «самого важного и самого основного партнёра по стратегическому взаимодействию» в плане формирования сообщества «единой судьбы». В качестве подтверждения курса на «особые отношения» китайские официальные лица (Посол КНР Ли Хуэй) указывают, что «лишь с Россией у Китая есть всеохватные механизмы сотрудничества, в том числе на уровне глав государств, правительств, парламентов, армии, правящих партий...», установлены и развиваются связи с администрацией президента, местными властями, общественными организациями». Несмотря на это, существует экспертное

⁷ См., например: Russell Leadbetter. China's New Mao - Xi, Who Must Be Obeyed // *HeraldScotland*, March 4th, 2018.

⁸ См., например: Чжунго дэ бэйцзи чжэнцэ (Политика Китая в Арктике) // «Жэньминь жибао», 27 января 2018 года.

мнение (Ю. Тавровский), что в отношениях России и Китая как раз и недостает «архитектоники открытости» (开放格局), поскольку «до сих пор не появилось масштабных проектов, достойных двух великих соседних держав». Сходную мысль высказывает С. Караганов, отмечающий, что российско-китайским отношениям недостает «стратегической глубины». А ШОС, на которую возлагаются столь большие надежды, явно «полудремлет», уже давно и упорно все эксперты говорят, что движение по «экономической дорожке» ШОС практически не идет, несмотря на все заклинания о таковой необходимости. Несмотря на прозвучавшее в 2015 г. совместное обещание президентов стремиться к интеграции экономических пространств России и Китая, последующие дискуссии в этом смысле не дали практически никаких результатов.

И еще немного об экономических отношениях. Китай для России – важнейший внешнеторговый партнер. Россия – для Китая – просто один из более или менее важных, по товарообороту в лучшем случае входит в десятку, традиционный «сырьевой крен» сохраняется. Многие важнейшие с точки зрения подключения к Инициативе Пояса и Пути проекты или отменены, или в лучшем случае надолго заморожены, как, например, планы развития российского Дальнего Востока на китайские деньги и проект строительства высокоскоростной платной дороги из Казани в Москву за счет китайских инвесторов.

В итоге можно согласиться с мнением китайского эксперта (Янь Чэнь) о «постепенном расширении асимметрии между экономическим и политическим сотрудничеством двух держав». Это несоответствие часто считается самой главной проблемой, которая ставит под вопрос стабильность российско-китайских отношений.

«Китайские коллеги все время говорят об обоюдной пользе, но иногда возникают сомнения, что они вообще намерены принимать во внимание наши интересы», — сказал представитель российского правительства, жалуясь на трудности достижения компромиссов, если речь заходит о выгоде. В России сложилось убеждение, что, поскольку в Китае денег теперь много, а российская экономика в стагнации, то надо всячески подталкивать китайцев к тому, чтобы они «больше давали и меньше брали». Но заниматься благотворительностью в отношении России китайская сторона явно не намерена, коль скоро вкладывать средства в инфраструктуру даже гораздо более бедных стран (как, Камбоджа, например) в Китае не спешат.

М.В. Карпов. Завышенные ожидания от «Поворота на Восток» были связаны с неадекватной оценкой в РФ системных характеристик развития современного Китая и, в более широком контексте, неадекватностью внешней политики РФ последних трех лет, вызванной фундаментально ложной оценкой источников угроз для национальной безопасности России.

Судя по всему, ключевым источником такой угрозы рассматриваются ныне США и Запад в целом. Исламский фактор, потенциально китайское направление, равно как и ряд острейших внутренних проблем современной России (типичи существующей социально-экономической модели, износ инфраструктуры, серьезные проблемы с тем, что именуется социологами и антропологами «человеческим капиталом» и т.д.), очевидно, оцениваются как менее значимые источники угроз.

Эта ложная, с моей точки зрения, оценка, в свою очередь, обусловлена глубокой экзистенциальной травмой поражения СССР в «холодной войне» и его последующего распада, а также драматизмом постсоветской трансформации. Эти обстоятельства, как мне представляется, вызвали к жизни поистине «постмодернистский тренд» в оценках и самооценках значительной части российских политических элит, когда речь заходит о положении дел в России, места последней в современных мировых процессах и, в частности, в вопросах восприятия Китая и российско-китайских отношений. Говоря о «постмодернизме» в данном контексте, я имею в виду некий доминирующий в сознании большей части современных российских политических и экономических элит набор виртуальных и дискурсивных образов, весьма отличных от реальности и, более того, нежелание и даже страх иметь дело именно с реальностью. Страх этот, впрочем, непосредственно связан с опасениями утраты монопольного политико-экономического положения, «приватизированного» данной частью российских элит в ходе нелинейного процесса системной трансформации в постсоветской России. Конкретными проявлениями такого экзистенциального «постмодернизма», с моей точки зрения, можно считать паталогически нездоровый интерес современного официального российского политического дискурса к «российскому консерватизму», «православной цивилизации» и «русскому миру», всем мыслимым и откровенно немислимым формам «евразийства», «национальным скрепам» и т.д.

Образ современного Китая занимает весьма видное место в ослепительной череде этих «виртуальных реальностей». Говоря кратко, для немалой части российских политических элит Китай представляется своего рода «упущенным шансом Горбачева», который, якобы, вполне мог бы пойти по «китайскому пути» трансформации советской системы. Путь этот видится многими в современном политическом классе России как более успешный, результативный и социально приемлемый. Здесь и впечатляющие темпы экономического роста, и сохранение территориальной целостности, и значительное повышение веса КНР в международных делах. Повторюсь – данное восприятие современного Китая в России, характерное, кстати, как для многих сторонников антизападного «союза России и Китая», так и для тех, кто не испытывает особого доверия относительно истинных намерений КНР в отношении РФ, является в равной мере следствием «родовой травмы» распада СССР и технической неосведомленности (непонимания) особенностей системного развития современного Китая. Несколько лет назад я провел своего рода любительский опрос среди знакомых мне представителей российского управленческого класса, от которых доводилось постоянно слышать несколько набившую оскомину формулировку о том, что «вот китайцы, мол, молодцы». На мой вопрос, а в чем, собственно, китайцы молодцы, большинство опрошенных либо, как ни странно, затруднялись с ответом, либо начинали излагать свою версию происходящего в Китае и с Китаем, которая была весьма далека от противоречивых реалий современной КНР. Именно здесь, с моей точки зрения, лежат наиболее глубокие корни необоснованного энтузиазма российских управленцев после провозглашения «Поворота на Восток» и завышенных ожиданий от Китая.

А.А. Киреева. В политической сфере отношения и так в основном развиваются, основываясь на принципах прагматизма и взаимного интереса (полицентричный мировой порядок, оппозиция односторонним действиям США, оппозиция Западу).

Перехода на взаимовыгодную модель, при которой интересы обеих стран соблюдались бы в полной мере, пока не просматривается, в большинстве своем подписанные соглашения остаются лишь меморандумами о взаимопонимании, а китайская сторона стремится либо к получению контрольного пакета акций, либо к получению технологий, которыми она пока в той же мере не владеет (например, авиационные двигатели). Про-

ект по созданию широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета представляет собой пример того, когда Россия предоставляет технологии в сфере, в которой у нее сохраняется преимущество, а Китай обеспечивает сборку и в потенциале получает трансфер технологий. Заинтересованность российской стороны создавать совместные высокотехнологичные предприятия в сферах, в которых силен Китай, а Россия наоборот отстает (например, электроника, телекоммуникации, IT), в основном остается без ответа: Китай стремится продавать готовую продукцию, что подкрепляет его более высокое место и участие в ЦДС в этих сферах. В политической сфере новое качество отношений могло бы означать или трансформацию стратегического партнерства в полноценный альянс, в чем сейчас не заинтересованы обе стороны, или проведение доверительного и откровенного диалога по вопросам трансформации мирового и регионального порядка и его структуры, того, что стороны понимают под будущей полицентричной конфигурацией, как они видят место своего партнера в ней и какие действия они считают необходимыми в этой связи. Пока же, несмотря на высокий уровень политического доверия между лидерами России и Китая, следует констатировать либо недостаточный уровень глубины стратегического диалога, либо его полное отсутствие.

В.Я. Портяков. Критерием перехода в «новое» качество отношений могли бы стать принципиальная диверсификация структуры российского экспорта в КНР при одновременном росте его объема (удвоение и более), массовый приход китайских инвестиций в отрасли перерабатывающей промышленности в РФ и, наконец, целенаправленная координация политики двух государств по отношению к США.

Что касается Украины и последствий украинского кризиса, то период завышенных ожиданий России о возможном углублении сотрудничества с Китаем на этом фоне в основном закончился. Закончился и период сдержанности Пекина в развитии связей с Украиной. Она вернулась на место достаточно важного и перспективного партнера КНР, в т.ч. в реализации инициативы экономического пояса «Шелкового пути». Симптоматично, что одна из глав Доклада о ходе строительства «пояса и пути» – 2018, изданного в виде «Синей книги» Академией общественных наук Китая, посвящена развитию отношений Китая с Украиной. Двусторонний товарооборот в 2017 г. вырос почти на 10% и достиг 7,38 млрд долларов, при этом экспорт КНР в Украину увеличился на 19,5% – до 5,04 млрд долларов.

Е.Н. Румянцев. «Завышенные ожидания» от Китая по-прежнему без всяких на то реальных оснований подпитываются определенными политическими силами в нашей стране. В частности, западные санкции используются ими для подталкивания России в сторону Китая, к расширению экономического «сотрудничества», приносящего нашему стратегическому партнеру односторонние выгоды, и даже вступлению с ним в военный союз. При этом, как известно, позиция китайской стороны заключается в невступлении в союзы вообще. Что касается союза с нашей страной, то китайскими учеными и политиками неоднократно высказывалась позиция, суть которой сводится к тому, что в прошлом такой союз не принес Китаю ничего хорошего. С этим утверждением, естественно, не согласиться невозможно. Здесь маячит еще один вопрос: а что принес в прошлом союз с Китаем нашей стране?

Переход к «новому качеству двустороннего сотрудничества» в наших отношениях теоретически возможен, однако для этого российским властям необходимо в качестве первого шага принять меры к прекращению или взятию под жесткий контроль некоторых «видов деятельности» китайских государственных и частных коммерческих структур в нашей стране, в первую очередь, в ее восточных районах. Речь идет о вырубке лесов, китайском въездном туризме⁹, о происходящем в районе Байкала, сдаче китайцам в аренду больших массивов земель сельхозназначения и др. Особого внимания заслуживает упорное нежелание китайской стороны что-либо менять в структуре двустороннего товарооборота.

Г.Д. Толорая, В.О. Горбачева. Роль Китая в становлении пост-западного мира – центральная, поскольку именно Китай является тем центром притяжения, вокруг которого формируется коалиция государств, так или иначе не согласная с нынешним порядком. Россия также претендует на авангардную или одну из центральных ролей в этом процессе, и даже более агрессивно, в связи с крайне ухудшившимися отношениями с Западом.

⁹ Александрова М.В., Зайцева Т.Р., Заклязьминская Е.О. Въездной туризм из КНР в Россию: современное состояние, проблемы и опасности // Китай: политика, история, культура. К 85-летию Ю.М. Галеновича. М., 2018. С. 130-162. [Aleksandrova, M.V.; Zaitseva, T.R.; Zakliaz'minskaia, E.O. V'ezdnoi turizm iz KNR v Rossiui: sovremennoe sostoiianie, problemy i opasnosti (Inbound Tourism from China to Russia: Current Status, Problems and Dangers) // Kitai: politika, istoriia, kul'tura. K 85-letiiu Iu.M. Galenovicha. Moscow, 2018. Pp. 130-162.]

Но, будем откровенны, сил у нее для реализации такого подхода маловато, и без привлечения на свою сторону крупнейших восходящих стран успеха России не добиться.

Китайцы всё же прислушиваются к нашим мыслям и идеям по поводу геополитических проблем, в том числе изменения структуры глобального управления, тех организаций и форматов, которые задействованы в этом и их развития. Именно в рамках таких форматов наше взаимодействие может быть наиболее эффективным. При этом имеющиеся региональные структуры, где мы сотрудничаем наиболее активно, – такие как БРИКС, ШОС, Большое Евразийское партнерство, все же сосредоточены не на глобальных проблемах, а на региональных, на отношениях с отдельными странами в ареале взаимодействия Китая и России. А сотрудничество на подлинно глобальном уровне пока не активизировано.

Парадигма «западные санкции навсегда» – что она означает для России в развитии РКО? Каким образом российская парадигма «западные санкции навсегда» может сочетаться с китайской концепцией «сообщество судьбы человечества»?

А.В. Виноградов. Во-первых, западные санкции не навсегда. В момент принятия они могли показать нашему политическому классу важность Востока, заставили Россию впервые попытаться по-настоящему реализовать потенциал отношений с азиатскими странами. Теперь, через 4 года, «открыв Восток», имея опыт более интенсивного развития отношений с ним, мы по-новому понимаем важность Запада. Для России необходимо использовать весь спектр возможностей для развития, отношения с Западом важны и для выстраивания отношений с Китаем.

После фазы универсализма мир вступил в фазу идентичности. Для России неприемлемы как «общечеловеческие», либеральные ценности, так и любая другая универсалистская крайность. У России своя идентичность, которую она защищает. В.Путин ясно высказался на этот счет: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?» В отношении с Китаем, в силу их особого характера, эта мысль может быть изложена в более мягкой форме.

К.А. Ефремова. «Сообщество единой судьбы человечества» – это, в первую очередь, представление китайцев о новой роли Китая в мире. Какая роль отводится России в рамках данной концепции? Согласны ли мы с этой ролью? Должны ли мы следовать в русле официальной

китайской идеологии и политики? Не лучше ли нам было бы предложить альтернативу «сообществу единой судьбы человечества», хотя бы в виде классической отечественной концепции евразийства, либо какой-либо более современной инструментальной концепции международного взаимодействия? Всё это дискуссионные вопросы, без ответа на которые нельзя выработать осознанное отношение к обоим парадигмам.

М.В. Карпов. Исхожу из того, что западные санкции - не навсегда. Предстоящий в России социально-политический кризис может серьезно видоизменить текущее геополитическое само-позиционирование России с перспективой смягчения (отмены) санкционного режима. Парадигма «западные санкции навсегда» в плане практической политики никак не сочетается с китайской концепцией «сообщества судьбы человечества». В плане же «постмодернистских» и политико-пропагандистских рассуждений о «сопряжениях» и «концептуальных сочетаниях» можно говорить без конца.

А.Г. Ларин. Продление и увековечивание западных санкций означает тяжелый удар по российской экономике, поскольку отрезает ее от достижений западного мира, в то время как сама Россия не в состоянии построить современную экономику, способную генерировать инновации или хотя бы легко абсорбировать их. Из этого следует, что Россия обречена на научно-техническое и технологическое отставание от развитых стран, а также и от Китая, начинающего длительный рывок в сфере научно-технологического творчества.

При этом необходимо иметь в виду, что приобретение Россией новой высокотехнологической продукции в Китае не может служить для нее панацеей: Китай сам пока во многом отстает от Запада. К тому же он не готов поставлять в Россию все, что производит, не говоря уже о проблеме цен в случае, когда он становится монополистом.

«Сообщество единой судьбы человечества» – это красивый пропагандистский лозунг, призванный нейтрализовать беспокойство, вызванное в целом ряде стран активной экономической экспансией КНР. Тревогу вызывает стремление Китая сосредоточить в своих руках значительную долю мировых поставок сырья, а также взять под контроль промышленные потенциалы ряда стран и регионов. Заметим, однако, что во многих случаях предлагаемое Пекином экономическое сотрудничество отвечает интересам его партнеров, хотя и сулит им однобокое (сырьевое) развитие: альтернативных вариантов

развития у них попросту нет. Такие случаи Пекин в определенных обстоятельствах может подавать как зародыш и как пример строительства «сообщества единой судьбы». Тем не менее, формула «сообщества единой судьбы» пока не получила признания в мировом сообществе и не пригодна для анализа международных процессов: в ней слишком много идеализма. Кроме того, она заведомо несет в себе риск прийти в результате к доминированию Пекина.

В.Я. Портяков. Перспектива превращения западного санкционного режима против России в постоянный в долгосрочной перспективе объективно повышает интерес России к Китаю как к наиболее вероятной замене Запада. Думаю, что по сей день такой вариант серьезно не рассматривался, все ждали возвращения ситуации «на круги своя». Однако, похоже, придется всерьез и надолго повернуться на Восток, в связи с чем нужна последовательная целенаправленная работа с производителями техники для России в Китае с целью обеспечения надлежащего качества поставляемой продукции. Что касается концепции «сообщества единой судьбы человечества», то она скорее призвана играть роль философской платформы «мирной внешней политики Китая» и прямого отношения к теме существования России во враждебном окружении не имеет.

Каковы возможные альтернативы роли Китая в развитии российского Дальнего Востока?

К.А. Ефремова. Надо рассуждать не об «альтернативе роли Китая», а об «альтернативной роли Китая» в развитии Дальнего Востока. Китай, безусловно, будет (и должен) присутствовать в этом регионе, весь вопрос заключается в том, как поставить его присутствие под эффективный российский контроль. Надо бороться не с китайским присутствием, а с коррупцией в рядах российских чиновников, продающих родину китайцам по сходной цене. Надо ставить под жесткий контроль китайские инвестиционные проекты — они необходимы, но при этом они не должны угрожать экологии Дальнего Востока или трансформироваться в экстерриториальные зоны, где царит китайская организованная преступность. Все эти проблемы можно решить при наличии политической воли и определённого финансового ресурса.

Что же касается альтернатив самому Китаю, то это зависит от того, какие страны будут готовы участвовать в развитии российского Дальнего Востока. Это не обязательно должны быть только наши ближайшие соседи – Япония и Южная Ко-

рея. Возможно, таким инвестором захочет стать Индия — наш стратегический партнёр, уже сейчас активно проникающий на российский рынок углеводородов. Но, откровенно говоря, если не брать в расчёт Евросоюз и США, то я не вижу других потенциальных инвесторов для Дальнего Востока, сопоставимых с Китаем по экономической и финансовой мощи. Их просто нет. А Евросоюз и США в развитии российского Дальнего Востока участвовать не будут по вполне определённым причинам. Поэтому нам в любом случае придётся ориентироваться на Китай.

А.В. Виноградов. Здесь два вопроса. Первый, альтернатива Китаю есть в лице других восточноазиатских стран, но она невелика, т.к. Китай крупнейший потребитель наших природных ресурсов в регионе. Второй, альтернатива роли тоже существует, но она еще меньше, потому что практически для всех стран региона Россия, прежде всего, поставщик природных ресурсов, что ее, конечно, не устраивает. Реальная альтернатива – внутренняя. Либо это особый статус ДВФО с гораздо более широкими правами и полномочиями для того, чтобы он мог открыть и реализовать свои конкурентные преимущества в динамично развивающемся регионе. В 2000-е гг. такой проект был невозможен из-за синдрома распадающегося государства, которое надо было сохранить, а не давать регионам новые полномочия. Сейчас для реализации такого проекта условия более благоприятные. Либо особая федеральная программа развития Дальнего Востока, ориентированная на целенаправленное создание здесь самых современных секторов экономики и технологий, и тоже обязательно особый статус.

М.В. Карпов. Насколько я понимаю, реальную роль КНР в развитии современного российского Дальнего Востока не следует преувеличивать. Альтернативы есть всегда – США, Япония и т.д. Другой вопрос, насколько эти альтернативы реальны в текущей ситуации – учитывая динамику российско-американских и российско-японских отношений, состояние инфраструктуры и инвестиционного климата на российском Дальнем Востоке и т.д.

А.А. Киреева. Япония и Южная Корея представляют собой две промышленно и технологически развитые страны, которые могут в большей степени удовлетворить потребности региона в глубокой модернизации. Проекты, на которые должен быть направлен фокус сотрудничества с этими странами – это промышленное производство, инновации и технологии, сфера услуг, медицина, комфортная городская среда, сельское

хозяйство, аквакультура, судостроение, глубокая переработка ресурсов. Не подлежит сомнению, что интересы этих стран, так же, как и Китая, лежат в сфере энергетического сотрудничества. С Китаем помимо энергетики перспективные сферы, прежде всего, включают глубокую переработку ресурсов, создание совместных предприятий и совместные исследования (research & development) в компаниях, занимающихся как промышленным производством, в котором у обеих стран есть потенциал к технологическому обмену (например, нефтехимия), так и сферой услуг, информационно-коммуникационной сферой. Хотя в последнее время можно наблюдать отдельные проекты со странами АСЕАН, в особенности с Сингапуром, и с Индией, сложно представить эти страны системными инвесторами в Дальний Восток.

Перспективы реализации этой кооперации в значительной степени зависят от целого ряда факторов, прежде всего, от способности Москвы и регионального правительства ДВФО улучшить инвестиционные условия, преодолеть тренд оттока населения и привлечь дополнительную рабочую силу. В силу более высокого уровня технологического развития для создания современного высокотехнологичного и инновационного кластера на Дальнем Востоке более привлекательными представляются Япония и Южная Корея. Отношения с этими странами, однако, помимо проблем российского бизнес-климата длительное время осложнялись взаимосвязанностью политических и экономических отношений. Япония увязывала широкомасштабные инвестиции и экономическое сотрудничество с необходимостью решения территориального спора по поводу Курильских островов на приемлемых для Японии условиях, а Республика Корея в течение периодов нахождения у власти консервативных президентов Ли Мен Бака и Пак Кын Хе стремилась получить поддержку России для оказания максимального давления на КНДР. В отношениях с Китаем же подобные сдерживающие факторы отсутствовали. В то же время, 2016 и 2017 гг. существенно изменили атмосферу двухсторонних отношений с Японией и Республикой Корея соответственно. Синдзо Абэ предложил повестку из восьми пунктов по развитию экономических контактов с Россией в 2016 г., и значительная часть усилий сконцентрирована на Дальнем Востоке и Владивостоке. Пришедший в 2017 году к власти в РК Мун Чжэ Ин, посетив Восточный экономический форум в сентябре 2017 г., предложил навести «девять мостов сотрудничества» и заверил В.Путина

в том, что Южная Корея является приоритетным партнером для развития Дальнего Востока. В отношениях и с Японией, и с Южной Кореей ставится цель перехода на новое качество взаимодействия. В этой связи возрастают перспективы того, что России при условии проведения грамотной политики удастся сделать прогресс в расширении сотрудничества для развития Дальнего Востока с тремя ключевыми игроками – Китаем, Японией и Республикой Корея, и избежать сползания в чрезмерную зависимость от Китая.

А.Г. Ларин. Практически реализуется единственный вариант: Китай выступает как потребитель (импортер, добытчик) природных богатств российского Дальнего Востока: энергоносителей, минерального сырья, биологических ресурсов. В будущем, возможно, и как реэкспортер (или партнер по экспорту) дальневосточной продукции на мировой рынок.

Заманчивой целью является привлечение китайского капитала для переработки российского сырья, в идеале – глубокой переработки, а также для строительства на Дальнем Востоке современной промышленности: высокотехнологичных производств, информационных технологий. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы там был создан привлекательный инвестиционный климат. Пока решение этой задачи идет без особых успехов, и не факт, что это вообще возможно сделать, не оздоровив принципиальным образом инвестиционный климат во всей стране.

Вторым условием будет согласие Китая своими капиталами способствовать созданию на российском Дальнем Востоке мощного современного промышленного кластера, о чем давно говорят некоторые российские экономисты. Согласие Китая не гарантировано. Но это – не решающее условие: в конце концов, на одном инвесторе свет клином не сошелся.

При Си Цзиньпине произошла заметная трансформация китайской официальной идеологии. Это приблизило Китай к России – или наоборот отодвинуло две страны друг от друга? Нужно ли России «сообщество судьбы человечества» в китайском прочтении?

Ю.М. Галенович. С 1 по 3 декабря 2017 г. в Пекине ЦК КПК провел первый в истории международный форум, посвященный политическому диалогу между КПК и различными партиями других стран. Это произошло всего месяц с небольшим спустя после 19 съезда партии. Очевидно, что это сделано как часть осуществления политического курса ЦК КПК по итогам 19 съезда

партии. Партия нацелена на осуществление своей глобальной стратегии. Частью этой стратегии в настоящее время считается постоянная работа со всеми политическими партиями в мире. Это – часть того, что именуется в КПК-КНР осуществлением политики открытости Китая. КПК-КНР больше не замыкаются в своей «скорлупе», и не отделяют себя от других политических партий, не подчеркивают различия между коммунистическими и не коммунистическими партиями, но намерены выходить в мир по всем направлениям, во всех областях человеческой деятельности.

Это – часть глобального наступления, активной деятельности КПК-КНР в сфере политики, идеологии, пропаганды. Пропагандировавшийся ранее, а, точнее, предназначенный для введения в заблуждение «остального человечества», призыв «не проявлять активности (не высовываться)», то есть период своего рода пассивности, считается законченным, выполнившим свои задачи, завершившимся. КПК-КНР, по мнению их руководства, накопили достаточно сил, а в мире произошли изменения в соотношении и расстановке сил настолько, чтобы перейти от пассивной политики, то есть от накопления сил, к активной политике, то есть к применению уже имеющегося совокупного потенциала государства, нации Китая на мировой арене.

Это, в частности, означает, что КПК отказалась от прежнего метода действий коммунистических партий, которые создавали Коммунистический Интернационал, проводили международные совещания коммунистических и рабочих партий. Одним словом, противопоставляли себя неким враждебным, или классово враждебным, силам на мировой арене. Характерно тут и то, что тогда был период, когда оказалось необходимо во имя некой общей цели, собрать всех и вся, но классово близких, хотя и разноплеменных, бросить лозунг: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Теперь настало иное время. В мире появилась такая сила, столь многочисленная, что ей в качестве руководителя или «кормчего» всего человечества, уже не нужен никто, кроме нее самой. Она теперь начинает активно осуществлять лозунг, который красуется на главной площади Пекина: «Ши цзе жэнь минь да туань цзе вань суй – Десять тысяч лет Великому Сплочению Народа Мира!» Китай начинает то, что, с точки зрения руководителей КПК, должно именоваться «Великим Сплочением Народа Мира».

Попутно необходимо заметить, что в нынешнюю эпоху, в Новую эпоху, у этой партии наряду с прежним центральным печатным органом,

органом информации, газетой «Жэньминь жибао», появился новый, присущий нынешней Новой эпохе, печатный орган, орган информации: «Хуаньцю шибао». То есть наряду с термином «Народ», появился термин «Земной шар», «Планета», «Весь свет». Можно сказать, что наряду с «Газетой Народа» появилась «Газета Планеты (или «Планет таймс»)), наряду с народной газетой на каждый день появилась глобальная газета на каждый день. Все это показывает, что далеко не случайно в Уставе КПК эта партия называет себя Партией Авангарда Народа, очевидно, подразумевая, что речь идет не только о народе Китая, но и о Народе Планеты. Важно также обратить внимание на то, что этот свой информационный орган руководители ЦК КПК распространяют по свету под названием на английском языке: «Global Times». Это означает, что руководители КПК намерены довести до сведения всех людей на планете, что они согласны, чтобы и всемирно распространенный язык – английский язык тоже был языком, которым пользуется Хуань цю дан – Партия Общности Планеты.

КПК в настоящее время вышла вонне, не ограничивает свою деятельность связями только с коммунистическими партиями, хотя и поддерживает такие связи. В определенных случаях, например при связях с Трудовой партией Кореи (КНДР), подчеркивает особый характер таких связей.

КПК считает необходимым действовать в мировом масштабе, налаживая и развивая связи со всеми партиями, которые готовы идти на такое сотрудничество. При этом КПК предлагает все это делать под вывеской форумов или диалогов, то есть равноправного по форме и лозунгам общения между политическими партиями. Цель всей этой деятельности – оказание воздействия КПК на мировую политику, усиление влияния КПК во всех странах мира, которые согласны допускать такое воздействие. В частности, поставлена задача открывать то, что ныне в КПК именуется зарубежными отделениями КПК в иностранных университетах и на предприятиях. Речь идет о том, чтобы китайцы, находящиеся и работающие за рубежами КНР, создавали ячейки КПК в разных формах по всему миру.

Речь идет о распространении присутствия КПК в политической жизни всех тех стран, где это окажется возможным. КПК считает возможным и необходимым вести свою организационно-партийную жизнь и деятельность на планете в целом.

Си Цзиньпин делает усилия с тем, чтобы внушать, навязывать «остальному человечеству» (не говоря уже о Китае) представление о нем самом, политической партии, которой он руководит, государстве, которым он управляет, как о тех, кто отныне возглавляют человечество, стали тем могучим древним китайским мудрецом-философом, который возродился и, единственный на Земле, обладает законным правом и мудростью для того, чтобы быть Учителем Человечества.

Си Цзиньпин предлагает не разделяться, не противопоставлять верных неверным, а объединяться на основе признания того, что существует единое человечество, у которого есть единая судьба, у которого есть единое будущее. Необходимо на всей планете Земля создавать всеохватывающую сеть сотрудничества. Человечество должно оказаться в этой сети. При этом необходимо утверждать на планете новый порядок в новую эпоху, порядок, соответствующий новой эпохе, а этот новый порядок должен служить средством превращения всей планеты Земля в гармоничную семью.

Подразумевается, что знают, что надо делать, и могут осуществить все это на практике только сам Си Цзиньпин, его политическая партия, его государство. Им следует предоставить место цзун цай – лидера, вождя всей планеты Земля. Вот то предложение, которое Си Цзиньпин выдвинул на съезде КПК, которое он предлагает всему человечеству. При этом он стремится сделать ситуацию такой, чтобы от этого предложения не мог со временем отказаться никто на Земле.

Важно обратить внимание на то, что Си Цзиньпин скорректировал свою позицию. Раньше речь шла об «общей судьбе», об «общности судьбы». Очевидно, что имелась в виду неизбежность для «остального человечества» идти за Китаем, следовать за Китаем, считать, что у всех и каждой нации судьба неизбежно уже является и будет общей с судьбой нации Китая. В связи с этим возникали те или иные сомнения в приемлемости терминов «судьба», «общая судьба», «сообщество общей судьбы». Поэтому теперь Си Цзиньпин выдвинул термин «Будущее». Речь идет о будущем и об общем будущем человечества. Это представляется Си Цзиньпину более приемлемым для «остального человечества» на данном этапе.

И, наконец, Си Цзиньпин предлагает видеть в человечестве одну гармоничную Семью. Речь идет о возрождении и превращении в реальность традиционного взгляда древних китайских

философов, выдвигавших на первый план понятие семьи как образца взаимоотношений между людьми. Из этого следует, что, во-первых, уважением должен пользоваться тот, кто такое предложил; ему следует подчиняться, его следует уважать и признавать «старшим», «владыкой», а, во-вторых, это подразумевает, что для человечества в целом должен быть установлен такой же порядок, такая же система уважения и подчинения, как в традиционной китайской семье, где высшим принципом является принцип старшинства, а по сути дела самовластия.

Китай должен быть признан старшим в Семье человечества. Вот о чем, по сути дела, говорит Си Цзиньпин.

При этом «остальному человечеству» предлагается воспринять и согласиться со «старшинством» Китая как бы естественным путем, по традиции, «по-семейному», Это выдают за «не навязывание» Китаем ничего другим. На самом деле в традиционных древних китайских мыслях имеется в виду, что «другому» дают «возможность» «добровольно» признать над собой власть «старшего в семье», его культурное и цивилизационное превосходство, а если этого не происходит, тогда приходится устанавливать должный новый порядок подчинения безжалостно и неотвратимо силой, а не убеждением.

Из этого также следует, что Си Цзиньпин стремится заменить систему международных отношений системой внутрисемейных отношений, а в традиционной семье, по Си Цзиньпину, всегда традиционно и естественно есть старший, который и решает, как существовать и жить каждому члену его семьи.

Кстати, попутно, такая позиция – это и ответ тем в нашей стране, кто пытался внушать людям в России, что китайцы, дескать, согласны видеть в России «старшую сестру», которая фактически распоряжается в общей семье.

В конце ноября 2017 г. СМИ США обратили внимание на попытку шести преподавателей Калифорнийского университета в Дэвисе, работающих там по обмену, создать ячейку КПК в стенах этого учебного заведения. Начинание не увенчалось успехом из-за законодательства об иностранных агентах. Столкнувшись с тем, что им придется сообщать американскому государству подробную информацию о своей деятельности, китайцы решили формально не создавать партийную организацию.

Точное число организаций КПК за пределами КНР неизвестно. Однако по утверждению «Глобал Таймс» многие китайские предприятия

и университеты, сотрудники которых трудятся за рубежом, активно открывают то, что именуется «зарубежными отделениями компартии».

Например, Национальный университет оборонных технологий создал восемь партийных организаций, в которых состоят более 200 китайских преподавателей и студентов, находящихся за рубежом. Школа европейских и латиноамериканских исследований Шанхайского университета международных отношений открыла отделения в Италии, Испании, Чили, Греции, Мексике и Нидерландах. Члены этих партийных организаций обязаны представлять руководству письменные доклады о своих умонастроениях и проводить собрания (съезды, конференции). Кроме того, коммунисты, как пишет «Глобал Таймс», ответственны и за продвижение партийной и государственной политики Китая за рубежом: они обязаны организовывать конференции и встречи, давать интервью, разъясняя политику партии.

Василий Колташов, руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений, считает, что КПК – это не партия в европейском понимании, это бюрократическая структура с политическим названием и политическими задачами, и такая политическая структура работодателю не нужна. Ячейки КПК, с этой точки зрения, это не отделения политической партии, как это явление понимают на Западе, где существует автономия и свобода дискуссий, а часть механизма, всегда подконтрольного Пекину. Никто не автономен – это Китай, все просто выполняют приказы.

Одним словом, ощущается, что руководители КПК приняли решение изменить и характер и формы деятельности партии за рубежом и представления в мире о КПК. КПК стремится предстать как «открытая» партия, как партия открыто и легально действующая везде, не только в Китае. Таким образом, руководители КПК-КНР содействуют осуществлению своей глобальной стратегии, используя КПК, ее институты как рычаги своей внешней политики. Работа КПК становится составной частью внешнеполитической деятельности Китая или КПК-КНР. КПК за годы существования КНР впервые открыто выходит на мировую арену в форме создания своих ячеек в других странах. В истории мирового коммунистического движения такого не было.

Еще одно направление работы КПК, затрагивающее иностранные интересы, – предприятия с участием зарубежного капитала в самом Китае. На них также идет активное строительство коммунистических ячеек. Как отмечает агентство

Синьхуа, отделения КПК к концу 2016 г. были на 70% из более, чем 100 тысяч предприятий с иностранным капиталом, работающих в КНР.

Это означает, что ЦК КПК принял решение о развертывании такой работы применительно практически ко всем предприятиям на иностранном капитале в КНР. Это также означает, что КПК ставит теперь иностранцев, владеющих предприятиями в Китае, перед необходимостью соглашаться с деятельностью организаций КПК на их предприятиях и с необходимостью одобрять политику КПК и внутри Китая, и на международной арене.

Однако не все иностранные инвесторы рады коммунистическим ячейкам на предприятиях. Как сообщает «Саут Чайна Морнинг Пост», в конце ноября 2017 г. представительство немецких промышленных палат в КНР заявило, что оно обеспокоено попытками китайской стороны усилить свое воздействие на действующие в Китае немецкие фирмы: «Мы не считаем, что иностранные компании обязаны содействовать развитию какой-либо политической партии в рамках структур компаний, – говорится в этом заявлении. – Если эти попытки повлиять на компании с иностранными инвестициями продолжатся, нельзя исключать, что немецкие компании могут уйти с китайского рынка или пересмотреть инвестиционные стратегии».

Научный сотрудник Центра исследований проблем мирового социализма в Академии общественных наук Китая Евгений Грачиков считает, что, с одной стороны, говорится, что это способ стимулировать работников к подчинению, но с другой, в отношении работников и работодателей вклинивается третья сила, что не нравится инвесторам. Китайская сторона все чаще использует иностранцев для пропаганды политики КПК-КНР. В нашей стране есть те, кто действует таким образом у нас в России, а есть и те, кто идет на службу в органы пропаганды ЦК КПК в самом Китае.

Есть и эксперты, выражающие свое мнение. Например, уже упоминавшийся Василий Колташов считает: «На вашем предприятии действует внешняя структура, связанная с иностранным правительством, которому вы не доверяете, от которого постоянно ожидаете кражи технологий и стремления вас вытеснить через некоторое время. Как будет вести себя эта коммунистическая ячейка? На кого она будет работать?» - задает риторический вопрос этот эксперт.

В заключение представляется необходимым сказать, что, судя по внешней политике

Китая, складывается некоторое представление о перспективах осуществления руководителями КПК-КНР их глобальной стратегии. Очевидно, что двумя главными препятствиями на этом пути они видят Америку и Индию. Поэтому постепенно они будут стремиться окружить Индию с севера путем союза с Пакистаном и мусульманами, и с моря с помощью своего грядущего мощного ВМФ с его ожерельем баз в Индийском океане. Также со временем они будут пытаться окружить Америку с Запада, со стороны Азиатского континента и Тихого океана и с Востока со стороны Европейского континента и Атлантического океана, включая Россию. На пути осуществления этой глобальной стратегии они будут стремиться все постепенно втягивать в себя и переваривать все разрозненные части остального человечества с целью превратить со временем все это остальное человечество в составные части единой всемирной нации Китая и таким образом осуществить то, что можно назвать Великим Планом Глобальной Китаизации Населения Земли, что сегодня скрывается под призывом к Великому Возрождению Великой Нации Китая.

А.В. Ломанов. До прихода к власти Си Цзиньпина внешнеполитические идеалы двух стран были сходными. Они подчеркивали ценность суверенитета, призывали к невмешательству в чужие дела, выступали за сохранение многообразия ценностей человеческой цивилизации. Россия осталась верной этим позициям, на фоне роста западного давления ее приверженность консервативной внешней политике стала более заметной. Тем временем Китай переходит от завещанного Дэн Сяопином «сокрытия возможностей» к активному продвижению своих концепций во внешний мир. Квинтэссенцией новой политики стал лозунг построения «сообщества судьбы человечества», получивший внутри Китая высокий нормативный статус. В 2017 г. этот тезис вписали в устав КПК, в 2018 г. он вошел в обновленный текст конституции КНР.

Китайский лозунг строительства «сообщества судьбы человечества» включает в себя обеспечение всеобщей безопасности, процветания, открытости и инклюзивности, а также защиту окружающей среды в интересах всех жителей планеты. Эта программа выглядит убедительно, поскольку за ней стоят огромные материальные ресурсы Китая и демонстрация успеха китайского пути развития. Появление данного лозунга тревожит Запад возможностью расширения сферы конкуренции с Китаем за пределы экономики в области идеологии и международной политики.

Прежде в России говорили о необходимости «поймать в паруса китайский ветер», то есть изыскать новые возможности собственного экономического развития за счет расширения сотрудничества с Китаем. Этот тезис не утратил актуальности. Однако в наши дни Китай предлагает свой путь модернизации в качестве ориентира для всех стран, желающих обеспечить высокие темпы развития при сохранении собственного суверенитета. «Китайский путь» и лозунг «сообщества судьбы» превращаются в факторы наращивания «мягкой силы» Китая на постсоветском пространстве на фоне ослабления позиций России. Поддержка «сообщества судьбы» со стороны Москвы будет косвенным образом способствовать усилению глобальных и региональных позиций Пекина, тогда как открытая критика этого основополагающего для внешней политики Си Цзиньпина лозунга неизбежно бросит тень на двустороннее сотрудничество в целом.

При поиске ответов на эти вопросы следует исходить из того, что для китайской стороны первым шагом в практическом осуществлении идеала «сообщества судьбы» выступает инициатива «пояса и пути», уже получившая поддержку со стороны России. Пребывание Си Цзиньпина у власти до 2027-2028 гг. даст китайскому лидеру шанс добиться того, чтобы к тому времени были построены ключевые транспортные и производственные компоненты «пояса и пути». Концентрация власти в руках Си Цзиньпина и продление сроков его правления способны оказать серьезное влияние на экономическое развитие стран евразийского пространства, включая Россию

Е.Н. Румянцев. Что касается имеющей место в настоящее время трансформации китайской официальной идеологии, этот процесс отдаляет наши страны друг от друга. Как может быть иначе, когда в Китае усиливается пропаганда «марксизма-ленинизма», звучат клятвы в верности этому «всепообеждающему учению» и одновременно – обвинения в его «предательстве» в наш адрес. Кроме того, идеология и пропаганда Пекина по-прежнему, как известно, подпитываются старыми «обидами» и извращением фактов истории наших двусторонних отношений.

Полагаю, что и к сравнению и сопоставлению современных лидеров России и Китая следует подходить осторожно. Наши страны, их культурные традиции, политическая культура и политические системы серьезно отличаются друг от друга. Нельзя не указать и на то обстоятельство, что В.Путин избран на новый президентский срок прямым, тайным и равным

голосованием, получив при этом подавляющее большинство голосов граждан нашей страны. В Китайской Народной Республике ничего подобного не было и нет.

Если экономического роста в России по-прежнему не будет, а в Китае он продолжится, как это повлияет на содержание РКО в начале 2020-х? Какие инструменты можно использовать для защиты интересов России перед превосходящей ее в 4 раза по ВВП экономикой Китая помимо дипломатического мастерства?

К.А. Ефремова. Российско-китайские отношения чем дальше, тем больше становятся асимметричными, причём эта асимметрия — явно не в пользу России. Имеет смысл уже сейчас начинать изучать опыт малых стран, вынужденных выживать в мире великих держав, и перенимать их опыт бесконфликтного сосуществования с более мощными соседями. Чем раньше мы признаем (хотя бы на уровне экспертного сообщества), что в российско-китайских отношениях существуют проблемы, и это проблемы, в первую очередь, для России, тем скорее мы начнём искать адекватные ответы на китайские вызовы. Ура-патриотизм и шапкозакидательство («мы суверенная демократия, у нас есть новейшее оружие» и т. п.), к сожалению, в данном случае не сработают: мы не можем угрожать нашим новым оружием Китаю, а других весомых аргументов, способных выровнять нарастающий дисбаланс в российско-китайских отношениях, ура-патриоты пока не придумали.

С Китаем нам ни в коем случае нельзя конфликтовать, но и сдавать свои позиции тоже ни в коем случае нельзя.

А.А. Киреева. Существуют признаки того, что Россия уже рассматривается Китаем как менее значимый по сравнению с США партнер, и в будущем при увеличении разрыва в абсолютных экономических показателях эта тенденция будет нарастать. Хорошей иллюстрацией в данном случае может быть распространенная в Китае точка зрения по поводу того, что Россия важна в контексте Инициативы пояса и пути как страна, строящая протекционистскую группировку ЕАЭС на Евразийском пространстве, и могущая помешать реализации открытой и всеобъемлющей Инициативы пояса и пути в зоне своего влияния. В случае, если экономическая стагнация в России продолжится, она рискует найти себя в позиции, при которой Китай всем меньше будет готов обсуждать с ней трансформацию регионального и глобального порядка, а ей придется так или иначе приспосабливаться к решениям, принятым Китаем.

А.В. Виноградов. «Новая нормальность» в Китае – это естественное снижение темпов роста в традиционных секторах, прежде всего, в промышленности. В инновационных отраслях темпы роста по-прежнему могут быть очень высокими, но в них у Китая нет конкурентных преимуществ, во всяком случае, нет очевидных конкурентных преимуществ, таких как дешёвая рабочая сила в начале «реформ и открытости», и поэтому темпы роста уже не могут быть столь же высокими. Китай в значительной степени исчерпал свой конкурентный потенциал, но старается использовать его в экономически более отсталых странах Африки, Южной и Центральной Азии. В этом и состоит экономический смысл «Одного пояса, одного пути» – создание и эксплуатация экономической модели, созданной в Китае, в других регионах мира. России нужно найти или создать свои конкурентные преимущества в современном мире – вот единственный и надёжный ответ на вызов не только Китая.

А.Г. Ларин. В отсутствие экономического роста Россия будет все дальше и дальше терять экономическую самостоятельность и превращаться в сырьевой придаток Китая, невзирая на обладание новейшим ракетно-ядерным оружием. Инструментов для защиты экономических интересов у России нет, единственный выход – это модернизация собственной экономики. В качестве тактических способов улучшить свое положение Россия могла бы заняться повышением своего влияния в странах Центральной Азии посредством содействия их индустриализации – пока что инициативу в этой сфере у России перехватывает Китай. Россия могла бы также взяться за модернизацию Транссиба до уровня скоростной магистрали, способной успешно конкурировать с другими сухопутными маршрутами Азия–Европа. Однако ни та, ни другая задача нам, кажется, не под силу.

США при Д.Трампе провозгласили Китай и Россию «ревизионистскими державами», в отношении которых они будут проводить политику соперничества и сдерживания. Станет ли это внешним стимулом для укрепления РКО? Какой может быть китайский ответ, какой может быть российский ответ, какая возможная и предполагаемая степень сходимости позиций Москвы и Пекина?

К.А. Ефремова. Россия и Китай — идеальные вероятные противники для США и их союзников, поскольку: (а) среднестатистический обыватель легко найдёт эти страны на карте (в отличие от

Ирана и Северной Кореи); (б) российской и/или китайской угрозой можно оправдать любое ужесточение внутривосточного курса (ранее для этой цели служил международный терроризм); (в) под предлогом российской и/или китайской угрозы Пентагон получает возможность и далее наращивать свой бюджет.

Однако Россия и Китай занимают в данном раскладе принципиально разные позиции. Китай — это страна, с которой США связывают крепкие торговые отношения, поэтому выставлять Пекин «врагом №1» Вашингтону не выгодно. С Россией, к сожалению, ситуация несколько иная: мы идеально подходим на роль «главного злодея», которую нам навязали из-за рубежа, — и, судя по всему, мы сами довольны этой ролью, поскольку парадигма «кругом враги» даёт Кремлю возможность держать под контролем внутреннюю оппозицию. Но захочет ли Китай присоединиться к нам в нашей борьбе с Западом? Думаю, что нет. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» включает в том числе и Запад, поскольку проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) обесмыслится, если «на том конце» не будет желания сотрудничать с Пекином. Поэтому наши ответы неизбежно будут разными.

Китай пробует сблизиться со странами Евросоюза в обход США, чтобы подтянуть к себе этот мощный блок экономически. Сейчас для Си Цзиньпина главное — показать, что он является для Запада надёжным партнёром, и что это партнёрство будет длиться до тех пор, пока он находится у власти.

Что же касается США, то представляется, что все разговоры о сдерживании Китая (которые ведутся уже не первый год) так и останутся по большей части декларативными заявлениями, призванными оправдать их военные расходы. Две страны слишком тесно связаны между собой экономически, чтобы позволить себе взаимную конфронтацию («торговые войны» Д. Трампа не в счёт). Так что рассчитывать на помощь Китая в нашем противостоянии с Вашингтоном вряд ли имеет смысл. Никто нас не поддержит.

А.В. Виноградов. Для США любая держава №2 в мире – главный противник. И они готовы дружить и вступать в альянсы даже с державой №3, чтобы сдерживать №2, до тех пор, пока №3 не превратится в №2. На этот раз США не стали расставлять приоритеты и стали сдерживать сразу 2 крупные державы. Это, на мой взгляд, следствие мессианской идеологии и эйфории превосходства, появившейся в США в постбиполярном, однополярном мире. Объективная причина этой

стратегии в двойственности природы США. Геополитически главным противником США всегда будет Россия как центр континентальных масс. Одновременно экономическое лидерство США в мире делает их особенно чувствительными к успехам Китая. Эта двойственность предполагает симметричные ответы – военные и экономические со стороны России и Китая, соответственно. Это заставляет американцев «воевать» на два фронта и пока не выигрывать. Однако целенаправленное объединение усилий России и Китая в русле дополнения, на мой взгляд, тоже пока только гипотетическое. Таким образом, США сближают РФ и КНР, но не до союза. Все это может означать, что стороны глобального треугольника до конца еще не определены, и у США, как и у России с Китаем есть ресурсы для усиления своей политики.

М.В. Карпов. Китайским ответом в краткосрочной и, вероятно, среднесрочной перспективе станет продолжение текущей политики, направленной на более или менее осторожную максимизацию своих интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российским же ответом может стать дальнейшая «скандализация» отношений с Западом и, при определенных условиях, попытка перехода на «мобилизационный сценарий» внутреннего развития. Под данным сценарием я имею в виду совершенно конкретный и технически, в принципе, реализуемый пакет мер, направленных на ограничение конвертируемости рубля по счету движения капиталов, регулирование процентной ставки и, вероятно, ценообразования в более широком плане, ограничение (запрещение) вывоза капитала, системные запретительные меры в сфере передвижения через российскую границу физических лиц и т.д. Подобный сценарий, однако, будучи, по сути дела «шоковой терапией» наоборот, неизбежно обусловит резкое увеличение инфляционного давления на российскую экономику, приведет к возобновлению структурных и, возможно, абсолютных дефицитов с очевидной перспективой целостного макроэкономического обвала и острейшего социально-политического кризиса. Я отнюдь не считаю именно такой сценарий базовым. Однако, останюсь абсолютно убежденным в том, что дальнейшая «мобилизация» – в любых, более значительных, чем сейчас, пропорциях – внутренних порядков в РФ не отсрочит, а ускорит разворачивание кризисных социально-экономических и политических тенденций в нашей стране, учитывая объективные потенциалы и параметры системного состояния современной России. Дальнейшая «скандализация» отношений

Москвы с Западом, равно как и усиление кризисных тенденций внутри России с плохо прогнозируемыми последствиями еще более превратят РФ в «токсичный актив» для Китая и в смысле практической политики не столько сближат, сколько отдалят Москву и Пекин. Ситуация в целом представляется мне весьма динамичной, неустойчивой и плохо прогнозируемой.

Вместе с тем, сценарий прекращения российской конфронтации с Западом и, пусть не прорывное улучшение, но хотя бы нормализация российско-американских отношений окажет оздоровительно-тонизирующее воздействие на весь комплекс российско-китайского взаимодействия, вернув его, по крайней мере, в рамки «стратегического партнерства» Москвы и Пекина до «Поворота на Восток».

А.В. Ломанов. Продолжающийся рост напряженности в отношениях между Россией и Западом отвлекает внимание от разительной перемены в западных оценках перспектив развития Китая. Одобренная президентом Д. Трампом в декабре 2017 г. «Стратегия национальной безопасности США» признала, что «на протяжении десятилетий политика США коренилась в вере в то, что поддержка возвышения Китая и его интеграции в послевоенный мировой порядок приведет к либерализации Китая». Однако Китай выбрал иной путь и вместе с Россией дерзнул «бросить вызов американской мощи, влиянию и интересам».

Эти заявления увидели свет вскоре после 19 съезда КПК, вписавшего в партийный устав «идеи Си Цзиньпина» и закрепившего принцип верховенства власти КПК. Западные аналитики начали рассуждать, почему прогноз развития Китая оказался ошибочным. Незыблемый постулат гласил, что вслед за развитием рыночной экономики и расширением участия в процессах глобализации в Китае неизбежно придет политическая либерализация, запрос на которую предъявит набирающий силу средний класс. В ранний период реформ в 1980-е годы Дэн Сяопин и его приближенные размышляли об «отделении партии от государства», что внушало оптимизм западным партнерам. Теперь в Китае есть средний класс, на международных площадках Пекин осуждает западный протекционизм и борется за устранение барьеров на пути торговли и инвестиций, однако о движении Китая к либерализации при Си Цзиньпине говорить не приходится.

Если переход Трампа к «торговой войне» против Китая оценить как временное явление, в этом случае китайская позиция будет сводиться к

тому, чтобы продержаться до следующих президентских выборов в США в ноябре 2020 г. Даже в случае переизбрания Трамп покинет Белый дом раньше, чем Си Цзиньпин уйдет от власти.

Если же речь идет о фундаментальном пересмотре отношения Запада к Китаю, то смена лидеров не принесет ожидаемых послаблений. Прежде западные политики были готовы идти на уступки, полагая, что эти жертвы окупятся сторицей после того, как Китай откажется от однопартийной системы и признает «универсальные ценности». Разочарование в эффективности политики вовлечения привело к усилению сторонников сдерживания Китая.

Для Китая эта ситуация может оказаться некомфортной и непривычной. Опыт жизни в условиях настоящего противостояния с США, которое продолжалось до начала 1970-х гг., остался для китайских элит далеко в прошлом. Восстановление элементов старой политической системы, в которой «партия командует всем», раздражает Запад. Вместе с тем консолидация власти делает Китай более подготовленным к отражению внешнего давления. Украинский кризис дал России мощный импульс к ускорению «поворота на Восток». Пересмотр устоев западной политики в отношении Китая может произвести сходный эффект и повысить мотивацию Пекина к расширению сотрудничества с Москвой.

Е.Н. Румянцев. В последние годы всё большее число политиков и экспертов США начинают более критически смотреть на Китай и его политику. По их мнению, американо-китайское сотрудничество развивается в неблагоприятном для США направлении, приобрело характер «улицы с односторонним движением» и выгодно в основном Пекину. В последнее десятилетие, утверждают они, Китай «переиграл США, да и весь мир», использует выгоды от экономического и научно-технического сотрудничества с Западом, не давая ничего взамен, нередко просто обворовывает своих западных партнеров, в беспрецедентных масштабах занимается в США и других странах Запада разведдеятельностью. Эти круги требуют осуществить «реформу торговых отношений с Китаем», ужесточить противодействие его политическим и военным амбициям¹⁰.

¹⁰ Наварро П., Отри Г. Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. Глобальный призыв к действию / Пер. с англ. М., 2017. [Navarro, P.; Otri, G. Smert' ot Kitaia. Litsom k litsu s drakonom. Global'nyi prizyv k deistviu (Death from China. Face to Face with the Dragon. Global Call to Action) / Transl. from Eng. Moscow, 2017.]

Некоторые американские эксперты утверждают, что Китай осуществляет рассчитанную на 100 лет (1949-2049) тайную стратегию, целью которой является замена США в качестве глобального лидера. Частью этой стратегии является кампания по дезинформации правящих кругов и общественного мнения США относительно истинных целей внешней политики и реальных возможностей Китая. Обращается внимание на то, что в отношениях с США Китай пропагандирует принципы «взаимного выигрыша», «общей выгоды», однако на деле за этим кроется его «неизменная нацеленность на извлечение для себя односторонних преимуществ». В Соединенных Штатах видят, что внутри Китая усиливается антиамериканская пропаганда. В частности, публикуются предназначенные для внутренней аудитории исторические труды, в которых вся политика США в отношении Китая на протяжении последних 150 лет представляется в негативном свете. Кстати, нетрудно заметить, что во многом аналогичным образом Пекин вели себя в конце 1950-х - первой половине 1960-х гг. в отношении с нашей страной. Об этом и многом другом говорится в книге М. Пилсбери¹¹, который именует вышеуказанную стратегию «столетним марафоном». Некоторые отечественные китаеведы (Ю.М. Галенович) используют выражение «глобальная стратегия Китая».

В ситуации, складывающейся в настоящее время в мире, велик, видимо, соблазн использовать ситуацию для объединения с Китаем против Америки как общего врага. На мой взгляд, Россия на развитие отношений между США и Китаем повлиять не может (это же верно и других участников «треугольника»), попытки использовать их друг против друга будут контрпродуктивны. В то же время состояние китайско-американских отношений и перспективы их развития необходимо тщательно отслеживать и учитывать в нашей внешней, а также и внутренней политике.

Поэтому важно проанализировать то, что сейчас происходит в китайско-американских отношениях, применительно к политике Китая в отношении России, а далее подумать о том, какой должна быть политика России по отношению к этим двум странам.

Каковы перспективы совместной позиции РФ и КНР в решении проблемы Корейского полуострова? Каковы направления эволюции совместной позиции РФ и КНР по этому вопросу?

¹¹ Pillsbury, M. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. N.Y., 2015.

А. В. Воронцов. Игра началась. И во всяком случае с северокорейской стороны, она хорошо продумана. Во время Олимпийских игр в Пхёнчхане северокорейской стороне удалось установить контакты с американскими представителями. При этом Пхеньян исходит из того, что его «козырные карты» реально усилились:

а) США всерьёз обеспокоены успехами ракетно-ядерной программы Северной Кореи и верят в её способность нанести ядерный удар по континентальной части Америки.

б) Вашингтон с разочарованием убедился, что его оба дальневосточных союзника: и консервативная при С. Абэ Япония, и, особенно, «либеральная» при Мун Чже Ине Южная Корея категорически отвергают любой вариант военной операции США против КНДР. Вашингтону, видимо, стало ясно, что если он проигнорирует жёстко негативную позицию союзников и нанесёт всё-таки военный удар по Северной Корее, он может не просто кардинально ухудшить отношения с Токио и Сеулом, но и потерять их как союзников.

в) Неожиданно начавшийся вопреки воле Вашингтона и динамично продолжающийся прогресс в межкорейских отношениях в январь-марте 2018 г. дал Пхеньяну определённый рычаг воздействия на США.

В итоге свобода действий Вашингтона на Корейском полуострове и вокруг него относительно сократилась, а переговорные позиции Пхеньяна сравнительно укрепились. В этих условиях КНДР, видимо, и решила перейти в дипломатическое наступление, надеясь на получение ограниченных, но реальных дивидендов. В качестве разумного жеста доброй воли она добровольно пошла на мораторий по ракетно-ядерным испытаниям, в период до проведения двух саммитов. Другое дело, что в Вашингтоне, несомненно, будут истолковывать этот шаг как проявление слабости и уступку северян под нажимом американцев.

В ходе предстоящего дипломатического торга северяне надеются добиться от оппонентов если не отказа от апрельских американо-южнокорейских военных манёвров, то значительного сокращения их объёма, но главное – не только остановки процесса дальнейшего ужесточения, но и определённого частичного ослабления экономических санкций. Предсказывать итоги начавшегося интересного этапа дипломатической борьбы невозможно. Очень многое зависит от соотношения внутриполитических сил в Южной Корее и, особенно, в США, где до сих пор позиции у ястребов были сильнее, чем у «переговорщиков» и продолжают укрепляться.

Очевидно, что при любом результате саммита Трамп – Ким, это станет эпохальным событием. И именно эта цель, а не военные маневры на юге Корейского полуострова, является абсолютным приоритетом для Ким Чен Ына в данный момент.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что данный зарождающийся бурный политико-дипломатический процесс представляет собой и появление новых серьёзных вызовов национальным интересам России, а также и КНР.

В случае реализации оптимистичного сценария переговоров северокорейские дипломаты предпримут максимум усилий с тем, чтобы смягчить нынешнюю непробиваемую позицию Вашингтона по немедленной денуклеаризации и выйти на поэтапное движение к этой цели через первоначальное временное замораживание ракетно-ядерной деятельности на базе параллельных шагов. То есть, по сути, подтолкнуть США к движению в рамках модели, похожей на российско-китайское предложение от 4-го июля 2017 г. о двойной заморозке и трёх-этапном плане урегулирования корейской проблемы.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что первый этап указанного российского поэтапного процесса разрешения кризиса на полуострове, который официально никто не поддержал, а Вашингтон громкогласно выступал против, уже текущим ходом событий практически осуществлён. Конфликтующие стороны начали снижение военной активности и перешли от угроз взаимного уничтожения к подготовке серьёзных, возможно, исторических по своему значению переговоров в верхах.

Какие форматы многосторонних переговоров могут сформироваться в случае продолжения дипломатического процесса после саммитов. Из Сеула звучат различные идеи, в том числе о трехсторонней модели (США-РК-КНДР). В Пекине ряд политологов стали вспоминать четырехстороннюю структуру (США-КНР-КНДР-РК). Россия по-прежнему считает оптимальным шестисторонний формат переговоров. Но сейчас трудно сказать, кого стало больше: сторонников или противников этого проверенного жизнью дипломатического процесса.

Следовательно, от Москвы требуется выработка новой политики с целью нейтрализации возможных неблагоприятных для наших интересов последствий и адаптации к стремительно меняющейся обстановке на Корейском полуострове и вокруг него, включая комплекс вопросов взаимодействия с Пекином.

А.А. Киреева. Россия и Китай занимают очень близкие, хотя и не идентичные позиции по проблемам безопасности на Корейском полуострове. Обе страны выступают за недопустимость военных действий на Корейском полуострове и решения корейского вопроса силовым путем, за деэскалацию ситуации и прекращение враждебной риторики, за необходимость проведения многосторонних переговоров и поэтапную денуклеаризацию Корейского полуострова. Российско-китайская дорожная карта, принятая Министрами иностранных дел России и Китая в июле 2017 г. и поддержанная руководителями обеих стран, демонстрирует общность подходов: «двойная заморозка» на первом этапе (прекращение ядерных и ракетных испытаний КНДР в обмен на прекращение или снижение интенсивности американо-южнокорейских военных маневров), двухсторонние переговоры между Севером и Югом, КНДР и США и многосторонние переговоры, обсуждение повестки для переговоров на втором, и возобновление шестисторонних переговоров с обсуждением денуклеаризации Корейского полуострова и создания коллективной архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии на третьем. Современная позитивная динамика в налаживании диалога между Северной и Южной Кореей, возможный саммит Ким Чен Ына и президента США Д. Трампа в мае-июне 2018 г., снижение масштаба американо-южнокорейских военных учения в апреле 2018 года, заявления Ким Чен Ына о введении моратория на ядерные и ракетные испытания воспринимаются Россией и Китаем как де-факто реализация совместной дорожной карты.

Как Китай, так и Россия не хотели бы видеть ситуацию, в которой проблемы безопасности на Корейском полуострове решаются без их участия и учета их интересов.

Е.Н. Румянцев. В речи Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 90-летия вооруженных сил Китая (август 2017 г.) было сказано о том, что вооруженные силы Китая «победоносно провели войну с Америкой в помощь Корее (имеется в виду война 1950-1953 гг.) и много боев на границе в целях самозащиты»¹². Это заявление обращает на себя внимание, поскольку до сих пор в Пекине старались не акцентировать тот факт, что они воевали с американцами, стремились сделать

¹² Си Цзиньпин. Цзай цинчжу Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзянь цзюнь 90 нянь дахуй шан дэ цзянхуа (Речь на заседании, посвященном 90-летию создания Народно-освободительной армии Китая) // «Жэньминь жибао», 2 августа. 2017 года.

вид, что такой войны вообще не было. По меньшей мере, с 1970-х гг., то есть со времени визита в Пекин Р. Никсона, китайская линия поведения в отношениях с США включает в себя положение об отсутствии в истории войны Китая и Америки. Упор обычно делается на «пограничные войны» КНР против нашей страны, Индии и Вьетнама, которые Си Цзиньпин в указанной речи назвал «боями на границе в целях самозащиты». Если китайской стороне приходится говорить о войне в Корее, то, как правило, подчеркивается, что в ней якобы виноват И.В. Сталин.

Видимо, в нынешних условиях отразившееся в речи китайского лидера смещение акцентов отражает общую тенденцию к осложнению китайско-американских отношений и дает понять, что поддержка Китаем американских санкций против КНДР в Совете Безопасности ООН - не последнее его слово в развитии событий вокруг Корейского полуострова. Наконец, за этими «акцентами» могут стоять существующие в Пекине различные подходы к корейской проблеме и отношениям с США.

Отношения между КНР и КНДР - отношения не только между государствами. Это, прежде всего, отношения между правящими партиями, их лидерами и существующими в этих партиях фракциями. Известно о длительном и тесном китайско-северокорейском сотрудничестве. Необходимо, однако, иметь в виду и другую сторону вопроса, обусловленную как особенностями современной ситуации, так и факторами исторического характера (убийства корейских коммунистов их китайскими единомышленниками в ходе чисток в КПК (т.н. «борьба с АБ-туанями») в 1930-е гг.; осадок, оставшийся в памяти северных корейцев от войны 1950-1953 гг.; борьба за вывод из страны китайских войск, которую КНДР удалось довести до конца только в 1958 г.; хунвэйбиновская дипломатия в отношении Северной Кореи в годы «культурной революции»). Далее необходимо указать на такое историческое событие, как китайская агрессия против Вьетнама в 1979 г. По бытующим, в частности, среди китайских эмигрантов сведениям, она «вызвала шок» в Пхеньяне. Действительно, если сегодня Китай способен напасть на небольшую соседнюю страну, к тому же социалистическую, только четыре года назад победившую с огромными потерями в тяжелой войне с США, то чего от него ожидать завтра? Так что, не исключено, бомбу в Северной Корее делают не только против своих «классовых врагов» на юге и американского империализма. Во всяком случае, этот вопрос открыто обсуждается в китайской блогосфере.

Еще через год крупным событием в плане культивирования взаимного недоверия стали публичное осуждение со стороны КНР решения Ким Ир Сена в 1980 г. передать власть своему сыну. Пекин тогда квалифицировал это как «феодализм». Очевидно, что такая оценка диктовалась атмосферой в КПК того периода, которая только что освободилась от Мао и «банды четырех» и официально характеризовала период их господства как «феодално-фашистскую диктатуру». Возможно, сейчас такой оценки действий северокорейского лидера со стороны Пекина не последовало бы.

Северокорейское руководство реагировало на всё это по-своему: были репрессированы сначала члены просоветской, а потом и прокитайской фракций в своей партии. Одновременно переписывались корейские учебники истории, из которых вымарывались всякие упоминания о роли КНР в войне 1950-53 гг. и послевоенном восстановлении Северной Кореи.

За первые пять с половиной лет после прихода к власти Си Цзиньпин ни разу не посетил КНДР, а северокорейский лидер – Пекин. Это безошибочный признак серьезных проблем в двусторонних отношениях, особенно между Си Цзиньпином и его окружением, с одной стороны, и северокорейским руководством, с другой. Однако в свое время Пхеньян посещали Цзян Цзэминь и члены его фракции Цзэн Цинхун, Чжоу Юнкан (в наст. время сидит в тюрьме), а также вышеупомянутые Ли Чанчунь и Лю Юньшань. При этом, как утверждает гонконгская печать, Чжоу Юнкан во время визита в КНДР в октябре 2010 г. на встрече с новым северокорейским лидером раскрыл перед ним содержание бесед тогда генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао с северокорейской делегацией во главе с дядей Ким Чен Ына Чан Сон Тхэком, результатом чего и стали чистки в Пхеньяне. Сам дядя в 2013 г. был казнен.

С течением времени положение начинает меняться. Например, главой Отдела международных связей ЦК КПК в 2015 г. был назначен ставленник уже Си Цзиньпина Сун Тао. По имеющимся данным, после 19-го съезда КПК курировать отношения с Северной Кореей поручено новоизбранному члену Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунину¹³.

Укажем здесь на наблюдения некоторых иностранных специалистов, согласно которым

проводившиеся в последнее время Северной Кореей испытания ракетно-ядерного оружия нередко совпадали с важными международными мероприятиями, проходившими в КНР. Например, они имели место в дни, когда проводились саммит «двадцатки» в Ханчжоу (2016 г.), форум по «поясу и пути» в Пекине и саммит БРИКС в Сяэне (2017 г.)¹⁴.

В конце марта 2018 года северокорейский лидер всё-таки приехал в Пекин. Оценка визита Ким Чен Ына, полагаю, еще будет дана специалистами. Ограничусь здесь следующими замечаниями. Видимо, визит был, скорее всего, организован по настоянию китайской стороны, которая в последние месяцы в ситуации вокруг Корейского полуострова оказалась отодвинутой на задний план. С другой стороны, северокорейский лидер, как можно предположить, осознал, что следует скорректировать свои отношения с фракциями внутри Компартии Китая. В общем, визит «должен продемонстрировать внешнему миру, включая Трампа, что Китай и Северная Корея снова друзья»¹⁵.

А.Н. Федоровский. Российско-китайское взаимодействие на корейском направлении испытывает на себе давление ряда факторов. Неоднозначное влияние на позиции России и Китая оказывает современный этап американо-китайских отношений. С одной стороны, Пекин и Москва проводят регулярные консультации по корейской проблематике. Было выработано согласованное обращение к Пхеньяну, Вашингтону и Сеулу одновременно отказаться от продолжения северокорейских ракетно-ядерных испытаний и от проведения совместных американо-южнокорейских военных маневров на Корейском полуострове и вокруг него. С другой стороны, Китай и США на двустороннем уровне определяют выработку решений Совбеза ООН в отношении КНДР. В этих условиях Россия оказывается вынужденной следовать в русле договоренностей, достигнутых Пекином и Вашингтоном. Данное обстоятельство не только проявляет дисбаланс влияния РФ и КНР на процесс урегулирования кризиса на Корейском полуострове, но и отражает разный характер отношений двух стран с США. Пекин и Вашингтон по разным группам вопросам находятся в состоянии конкуренции, соперничества, но и сотрудничества. В то же время российско-американские отношения находятся в кризисном состоянии. При этом китайская позиция по отно-

¹³ Линь Чжуньюй. Чжун Чао гуаньси зэймяо (Деликатные отношения между Китаем и Северной Кореей) // «Кань Чжунго», 16 декабря 2017 года.

¹⁴ Kim in Beijing: Why Xi's Still the One He Needs to See // BBC News, March 28th, 2018.

¹⁵ Ibid.

шению действий США, как это показывает опыт корейского урегулирования, строится исходя из собственных приоритетов.

Несмотря на декларации о близости позиций двух стран, расходятся взгляды Москвы и Пекина по санкционной политике в отношении Северной Кореи. Китай фактически поддержал введение санкций против КНДР, получив за это благодарность со стороны администрации Д. Трампа. Россия считает применение санкций контрпродуктивным, хотя присоединяется к санкциям, принимаемым в Совбезе после одобрения их США и КНР.

Позиция и тенденции развития отношений РФ и КНР с Республикой Корея также неоднозначны. Причем для Южной Кореи новые вызовы (рост влияния Китая, нестабильность внешней политики США, потребность в диверсификации внешних связей, необходимость расширить поддержку своей позиции по вопросам межкорейского урегулирования) носят не конъюнктурный, а стратегический характер. В связи с этим очевидно для Сеула необходимость адаптироваться к меняющейся ситуации и вырабатывать новую международную стратегию. Проблема, однако, усугубляется тем, что российско-китайские связи оказывают пока слабое воздействие на региональном уровне, а американо-китайские отношения не приобрели устойчивого характера. В результате, несмотря на делающиеся декларации, действия Сеула все еще находится в стадии приведения внешней политики к новым национальным, региональным и глобальным реалиям.

Что касается ситуации на Корейском полуострове и вокруг него, то, во-первых, Южной Кореи приходится учитывать позицию США, настаивающих на жестком курсе в отношении Северной Кореи, в том числе, предусматривающим размещение системы ПРО THAAD на Юге Кореи. В то же время Сеул столкнулся с усилением политического давления со стороны Пекина, недовольного размещением американских ПРО и авианосных групп. Таким образом, низкий уровень внешнеполитического доверия между Россией и КНР, с одной стороны, и США – с другой, превращает Южную Корею в объект военно-политических диспутов великих держав.

Во-вторых, экономика Южной Кореи также оказывается в зоне риска. Не только США оказывают давление на РК, требуя следования санкциям в отношении России. Пекин в качестве наказания за размещение США ПРО на Юге Кореи ввел меры, ограничивающие торгово-экономические связи с Сеулом, вплоть до туристических поез-

док. Однако затем Китай пошел на ослабление давление на Южную Корею, стремясь не усугублять трудности в двусторонних отношениях.

Несмотря на упомянутые проблемы, РК при администрации Мун Сжэ Ина демонстрирует готовность активизировать в рамках реализации «северной политики» улучшение отношений с Москвой и Пекином. Налицо также нежелание участвовать в тройственном военном союзе с США и Японией.

При этом есть ограничители влиянию России и Китая. Ослабление китайских санкций против Сеула, означает осознание пределы возможного давления. Так же как и заявление Пекина и Сеула о приоритете мирного решения северокорейской ядерной проблемы побудило США признать озабоченность Южной Кореи последствиями возможного военного конфликта.

Остается вопрос, в какой мере Москва и Пекин готовы к совместной работе с США и Южной Кореей в рамках возможных многосторонних переговоров по северокорейской ракетно-ядерной программе и перспективам межкорейских отношений?

Таким образом, сотрудничество России и Китая на Корейском полуострове безусловно сохраняет свое значение как в контексте возможной координации действий на тихоокеанском направлении, так и для поддержания общего курса на продолжение широкого российско-китайского диалога. Однако для Москвы, во-первых, становится необходимым поиск резервов повышения своих переговорных возможностей по корейской проблематике с Китаем. Во-вторых, насущной задачей становится развитие разносторонних связей с Южной Кореей, а также поиск вариантов российско-американского диалога по вопросам безопасности и международного сотрудничества на Корейском полуострове, проводя обсуждение корейской проблематики с Японией.

Продолжение следует в No.4, 2018

*Материал к публикации подготовлен
А.Д. Воскресенским*

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127>

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: BETWEEN EUROPE AND THE INDO-PACIFIC (Part I)

Situation Analysis Proceedings

<p>Article history:</p> <p>Received: 25 April 2018</p> <p>Accepted: 15 May 2018</p>	<p>Abstract: The Editorial Board of the journal <i>Comparative Politics Russia</i> publishes the proceedings of the situation analysis devoted to the results of the analysis of the dynamics and the current state of Russian-Chinese relations. The leading Russian experts and researchers of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the Russian Institute for Strategic Studies (RISS), the Institute of Political and Military Analysis, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Higher School of Economics, Russian National Committee of BRICS discussed the current state and prospects of Russian-Chinese relations. They analyzed the issues of political power transformations in the PRC and changes in the 2018 Chinese political arena, a new stage of Russian-Chinese relations after March 2018 (presidential elections in Russia and constitutional amendments in China), the period of overestimated expectations of Russia from China after the Ukrainian crisis of 2013, and also as a whole, opportunities for transition to a new quality of bilateral long-term cooperation on the basis of pragmatism and mutual interests</p>
<p>Key words: Russia; The Communist Party of China; China; PRC; Russian-Chinese relations; China-Russian relations; China-US relations; Pacific Asia; authoritarianism; democracy; Chinese development model, socialism with Chinese characteristics; Chinese Dream</p>	

Prepared by Alexei D. Voskressenski

Для цитирования: Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (Часть I). Материалы ситуационного анализа // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 101-127.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127

For citation: Rossiisko-kitaiskie otnosheniia: mezhdru Evropoi i Indo-Pasifikoi (Chast' I). Materialy situatsionnogo analiza (Russian-Chinese Relations: Between Europe and the Indo-Pacific (Part I). Situation Analysis Proceedings) // *Comparative Politics Russia*, 2018., No. 3, pp. 101-127.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127